

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81 '322.4

**Г. Г. БАБАЛОВА
Ю. В. ГЮНТЕР**

Омский юридический институт
Северо-Казахстанский государственный
университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТА КАК ЭТАП ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

Знание жанровых и стилистических особенностей текстов имеет огромное значение для создания качественного перевода. На понимание текста переводчиком во многом влияют формальные признаки, которые присущи текстам того или иного стиля. Это обстоятельство может способствовать оптимизации процессов машинного перевода. Представляется возможным пойти по пути формализации, создания алгоритма анализа текста.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, функциональный стиль, алгоритм, машинный перевод, формализация, этап.

Проводя аналогию между работой человека-переводчика и системой машинного перевода, можно предположить, что предпереводческий анализ текста также имеет определенное значение и для системы МП. Если в случае с человеком анализ при-

зван направить внимание переводчика на наиболее значимые моменты в коммуникативной и предметной ситуации исходного текста, его существенные характеристики, то для системы МП, очевидно, целью предварительного анализа будет определение

некоторых параметров текста. Эти параметры выбираются в зависимости от используемой модели перевода, подготавливают текст к обработке (делают возможной работу алгоритмов МП), а также по возможности упрощают анализ текста.

Наиболее проработанной моделью предпереводческого анализа, на наш взгляд, является модель немецкого переводоведа Кристианы Норд [1, с. 19–21]. Она представляет собой анкету, состоящую из двух групп вопросов.

Первая группа вопросов используется для анализа коммуникативной ситуации или экстралингвистических факторов текста. Вопросы фокусируют внимание переводчика на специфических особенностях представленной в тексте речевой ситуации, которые полезны для правильного понимания не только значения, но и прагматических целей текста. Работая с этим вопросником, переводчик определяет сферу деятельности коммуникантов, конкретизирует ситуацию общения — личную, общественную, институциональную или неформальную, определяет прагматические цели коммуникантов, их позиции, свойства, отношения, а также строит гипотезы о речевой стратегии коммуникантов.

Вторая группа вопросов обращена к содержательным и структурным характеристикам исходного текста. Здесь переводчик определяет тему сообщения и содержание сообщения, а также контекст, то есть ту информацию, которая необходима для понимания, не выражается напрямую, но предполагается известной коммуникантам.

Выбор последовательности изложения темы (т. е. композиции), отбор лексики, грамматических и риторических возможностей определяются не только общей целенаправленностью исходного текста и его жанровой принадлежностью, но и соблюдением тех норм, которые существуют для соответствующей разновидности текстов в переводящем языке.

Композиция и языковое исполнение определенного содержания составляют жанрово-стилистические и стилистические особенности текста. Под жанрово-стилистическими и стилистическими особенностями мы понимаем закреплённые в определенном языковом коллективе нормы подачи и представления информации, особенности ее расположения и структурирования, и нормы языкового оформления информации в рамках различных функциональных и социальных контекстов. Знание жанровых и стилистических особенностей текстов составляет текстовые ожидания переводчика-реципиента, предопределяет понимание текстов. Отчасти эти сведения приобретаются переводчиком из курсов стилистики родного и изучаемого иностранного языков.

Однако более всего в этом отношении помогает практика работы с различными по жанру текстами, выявление черт сходства и различия переводимого материала и аналогичных по функции материалов на переводящем языке, обобщение такой работы в форме моделей-характеристик и параллельных текстов-образцов. Знание жанровых и стилистических особенностей текстов имеет огромное значение для создания качественного перевода. Необходимо также учесть, что на понимание текста переводчиком во многом влияют формальные признаки, которые присущи текстам того или иного стиля. Это обстоятельство может способствовать оптимизации процессов машинного перевода. Предлагается возможным пойти по пути формализации, создания алгоритма анализа текста.

Определение функционального стиля текста. Представляется целесообразным вспомнить об опыте создания словарей, обрабатываемых с помощью лексических функций. Эти словари разработаны в рамках переводческой модели «Смысл ⇔ Текст». Они содержат необходимые сведения о стилистическом контексте использования того или иного термина и успешно используются, например, в отечественной системе машинного перевода ЭТАП. Типовые лингвистические характеристики, позволяющие опознать тот или иной функциональный стиль, были найдены Брандес М. П. и Проворотовым В. И., которые разрабатывали методику обучения переводчиков на базе немецкого языка.

Поскольку работа системы МП предполагает формальную обработку текста, невозможно использовать все имеющиеся признаки того или иного стиля для сопоставления с характеристиками переводимого текста, т.к. они рассчитаны на переводчика-человека. Поэтому из совокупности признаков, выделенных М. П. Брандес и В. И. Проворотовым, воспользуемся теми, которые можно описать с помощью статистических зависимостей, регулярных выражений, словарей и иных средств, составляющих суть технологии компьютерной обработки текста [2, с. 59–99].

Официально-деловой стиль составляет макроуровень речевого общения в сфере сугубо официальных человеческих взаимоотношений, а именно, в сфере правовых отношений и управления людьми. Эта среда представляет собой информационную систему функционально-стилистических отношений, инвариантную основу которых составляет социальная (прагматическая) функция долженствования и формальная (стилистическая) функция официальноности. Формальными признаками стиля являются:

- модальные глаголы;
- глаголы приказания и побуждения;
- глаголы в императиве;
- безличные конструкции;
- сослагательное наклонение (используется для выражения сомнения, предположения; неуверенности, осторожного предложения; смягчения значения долженствования; выражения формы вежливости и пожелания; как средство реализации аргументированности в дипломатическом общении, особенно в текстах памятных записок и меморандумов);
- функционально-окрашенная лексика (термины и терминологизированные словосочетания, устойчивые обороты и клише текстов);
- собирательные существительные или существительные, выражающие совокупное единство;
- канцеляризм;
- обращения, начальные и конечные формулы уважения и т.д.

Научно-технический функциональный стиль представляет собой информационное пространство функционирования научно-технических текстов, это глобальное информационно-функциональное поле, в котором действуют многочисленные научно-технические речевые жанры. Общее содержание функции научно-технического стиля можно определить как объяснение в широком смысле этого слова, которое включает в себя как закрепление процесса познания и изложение результатов познания, так и фиксацию способов применения этих результатов. Основу языкового оформления научно-технических текстов составляет стандартизированность, т. е. выбор предписываемого для данных условий коммуни-

кации клишированного языкового варианта. Формальными признаками стиля являются:

- простые термины-существительные;
- сокращенные термины: N (Newton), m (meter);
- сложные термины;
- многокомпонентные термины;
- термины-глаголы;
- термины-прилагательные.

Газетно-публицистический стиль охватывает массовые популярные политические тексты, воздействующие на актуальные общественно-политические процессы оперативным документальным отображением, основанным на идейно-политическом осмыслении и эмоционально выраженной оценке.

Основная коммуникативно-прагматическая функция газетно-публицистического стиля — пропагандистско-агитационная. Она направлена, с одной стороны, на распространение политической информации, а с другой — на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей. В отличие от официально-делового стиля, газетно-публицистический стиль, входя в систему массовой коммуникации, не является обезличенным. Он индивидуализирован по группам людей: возрастным, образовательным, социальным, идеологическим, по интересам и т.д.

Основу языка газетно-публицистического стиля составляет книжно-обиходный язык, представляющий собой сочетание элементов лексики и синтаксических структур разных стилей при частичном сохранении или утрате искомой стилистической окраски. Книжный характер этого языка определяется тем, что он выражает целостную информацию, предварительно продуманную и организованную. Основной стилистический принцип организации языка в публицистике — сочетание стандарта и экспрессии.

Функциональный стиль обиходного общения обуславливает языковое оформление содержания общения в сфере бытовых отношений людей. Сферу действия обиходного стиля можно поделить на две части: обиходно-бытовую, охватывающую семейные бытовые отношения, включая круг друзей и знакомых и обиходно-деловую, охватывающую неофициальное личное общение в профессиональной среде (на работе).

Контактность общения ведёт к экономии языковых элементов и замене их экстра и паралингвистическими средствами, что, в свою очередь, приводит к упрощению самого текста высказывания. Формальными признаками стиля являются:

- большая активность не книжных средств языка, в том числе, употребление просторечных единиц;
- неполноструктурная оформленность языковых единиц на всех уровнях;
- ослабленность синтаксических связей между частями предложения или их неформальность, невыраженность;
- обилие языковых средств субъективной оценки, оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц, наличие речевых стандартов и фразеологизмов разговорного характера;
- наличие окказионализмов;
- широкое использование личных местоимений и личных форм глагола;
- неполноструктурность на всех уровнях, т.е. опущение отдельных частей предложения и эллиптичность, обусловленные контекстом;
- присоединительный характер структурной организации предложения;
- бессоюзие, как правило, в сложных предложе-

ниях или сложных синтаксических целых;
— всевозможные виды редуций.

Литературно-художественный стиль. Основной функцией литературно-художественного стиля является функция эстетического воздействия на адресата. Художественный язык, будучи рассчитан на восприятие и понимание его на фоне общенационального языка, отличается от него тем, что действительность языка художественного произведения — это действительность целостного художественного мира, в результате чего языковые и внеязыковые (содержательные) стороны художественного произведения спаяны значительно прочнее, чем в других функциональных стилях. Поэтому закономерности построения художественного языка объясняются не грамматическими и синтаксическими правилами, а правилами построения смысла. Возникает семантическая двойственность художественного языка как результат столкновения объективной значимости слов с их субъективной смысловой направленностью. Реализация замысла автора произведения может потребовать обращения к любому из существующих стилей, что приводит к проблемам неформализуемости признаков данного стиля.

Для выделения в семантической сети текста понятий, представляющих ключевые слова и словосочетания, может быть применен статистический алгоритм, основанный на анализе частотности встречаемости цепочек слов различной длины. Статистические закономерности существуют в тексте независимо от автора и использованного им языка — внутренняя структура текста останется неизменной. Она описывается законами Дж. Ципфа (George K. Zipf). Законы Ципфа универсальны. Ципф предположил, что слова с большим количеством букв встречаются в тексте реже коротких слов. Основываясь на этом постулате, Ципф вывел два универсальных закона [3, с. 65–69].

Первый закон Ципфа: «Ранг–Частота». Если измерить количество вхождений каждого слова в текст и взять только одно значение из каждой группы, имеющей одинаковую частоту, расположить частоты по мере их убывания и пронумеровать (порядковый номер частоты называется рангом частоты), то наиболее часто встречающиеся слова будут иметь ранг 1, следующие за ними — 2 и т.д. Вероятность встретить произвольно выбранное слово будет равна отношению количества вхождений этого слова к общему числу слов в тексте.

$$\text{Вероятность} = \frac{\text{Количество вхождений слова}}{\text{Число слов}}$$

Ципф обнаружил следующую закономерность: произведение вероятности обнаружения слова в тексте на ранг частоты есть константа (С).

$$C = \frac{\text{Количество вхождений слова} \times \text{Ранг частоты}}{\text{Число слов}}$$

Это функция типа $y = k/x$ и её график — равносторонняя гипербла. Следовательно, по первому закону Ципфа, если самое распространенное слово встречается в тексте, например, 100 раз, то следующее по частоте слово с высокой долей вероятности, окажется на уровне 50. Значение константы С в разных языках различно, но внутри одной языковой группы остается неизменно, какой бы текст мы ни взяли. Так, например, для английских текстов константа Ципфа равна приблизительно 0,1.

Второй закон Ципфа «Количество—Частота». В первом законе не учтён тот факт, что разные слова могут входить в текст с одинаковой частотой. Ципф установил, что частота и количество слов, входящих в текст с этой частотой, тоже связаны между собой. Если построить график, отложив по одной оси (оси X) частоту вхождения слова, а по другой (оси Y) — количество слов в данной частоте, то получившаяся кривая будет сохранять свои параметры для всех без исключения созданных человеком текстов. Как и в предыдущем случае, это утверждение верно в пределах одного языка. Однако и межъязыковые различия невелики. На каком бы языке текст ни был написан, форма кривой Ципфа останется неизменной. Могут немного отличаться лишь коэффициенты, отвечающие за наклон кривой (в логарифмическом масштабе, за исключением нескольких начальных точек, график — прямая линия). Законом Ципфа можно воспользоваться для извлечения из текста слов, отражающих его смысл (ключевых слов) [3, с. 65–69] (рис. 1).

Исследования показывают, что наиболее значимые слова лежат в средней части диаграммы. Слова, которые попадают слишком часто, в основном оказываются предложениями, местоимениями, в английском языке — артиклями и т.п. Редко встречающиеся слова также не имеют решающего смыслового значения.

От того, как будет выставлен диапазон значимых слов, зависит многое. Если поставить широко, то к ключевым словам будут относиться вспомогательные слова; если установить узкий диапазон, то можно потерять смысловые термины. Сделать выделение наиболее значимых слов качественнее помогает предварительное исключение из исследуемого текста некоторых слов, которые априори не могут являться значимыми и поэтому являются «шумом». Такие слова называются нейтральными или стоповыми (стоп-словами). Словарь стоп-слов называют стоп-листом. Например, для английского текста стоп-словами станут служебные слова: the, a, an, in, to, of, and, that... и т.д.

Для подтверждения законов Ципфа «Ранг—Частота» и «Количество—Частота» проведено исследование текстов на английском языке вышеназванных стилей (за исключением литературно-художественного стиля) общим объёмом 175000 слов по следующему алгоритму: 1) подбор текстов разных стилей в равном количестве слов; 2) удаление из текста стоп-слов (the, a, an, in, to, of, and, that); 3) вычисление частоты вхождения каждого слова в отдельно взятом тексте; 4) составление списка слов в порядке убывания их частотности; 5) выбор диапазона частот.

Из выбранного диапазона необходимо выписать слова, наиболее полно соответствующие смыслу текста для дальнейшего сопоставления и построения графика. В большом тексте в диапазоне может оказаться довольно много слов. Достаточно взять 10–20 терминов. Их следует выбирать, руководствуясь, в первую очередь, здравым смыслом. При этом не стоит ограничиваться только характерными терминами (это относится, например, к текстам научно-технического стиля), даже если они кажутся наиболее удачными. В список должны попасть и общеупотребительные слова (их лучше выбирать из средней части диапазона).

В ходе исследования было выявлено, что закон Ципфа релевантен по отношению ко всем изученным текстам. Так, например, в статье, опубликован-

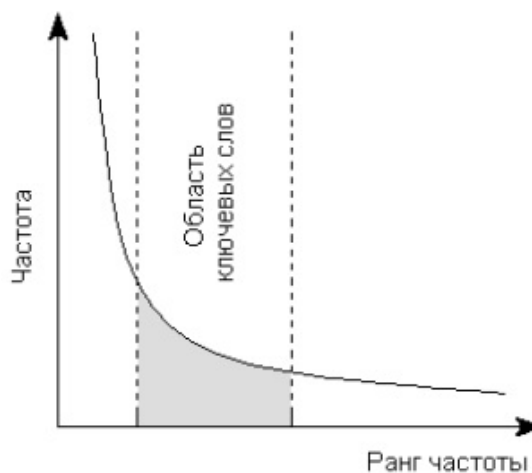

Рис. 1.

ной на сайте 'komonews.com 'CIA bomber coerced to work for Jordan spy agency' (05.01.2010), наиболее часто встречающимися являются слова первого ранга: counterterrorism (5), officials (5), Afghanistan (5). (Примеч.: в скобках указано количество словоупотреблений). Зарегистрировано по одному словоупотреблению таких слов как Palestinian, Egypt, fellow, government, foreign, chapman, human, web, interview и др. [4].

Подобная тенденция наблюдается и в текстах других функциональных стилей. Например, научно-технический текст "The Engineer's Guide to Motion Compensation" содержит: motion (21), section (19), standards (19); слова второго ранга: methods (10), systems (10), reduction (9), transform (8). Кроме того, большое количество слов было отнесено к третьему рангу, среди которых можно обозначить следующие: technical (5), equipment (5), level (5), research (5), vibration (4) и т.д. [5].

Изучение стиля обиходного общения является наиболее трудоёмким. В связи с этим в качестве материала исследования было принято решение рассмотреть язык современных фильмов, а точнее — скрипты этих фильмов. При анализе скрипта фильма "The sixth sense" [6] было выявлено, что наиболее употребительными являются: people (18), sound (17), afraid (16), God (16), efforts (16), life (15), compassionate (14), trouble (14), а также имена главных героев: Vincent, Cole, Malcolm — более 30 — на каждое имя. На втором месте по частоте употребления зарегистрированы слова: call (7), possible (7), mood (7), divorce (7), disorder (6), appointment (6), chance (6), concentrate (5), important (5). К третьему рангу можно отнести слова: couple (4), achievement (4), outstanding (3), residence (3), sacrifices (3) [6].

Таким образом, технология определения функционального стиля представляет собой статистическую обработку текста с выделением определённого множества формальных признаков. Как уже было отмечено, его подмножествами выступают ключевые слова, грамматические конструкции, шаблоны и другие функциональные единицы. Основным множеством является множество ключевых слов, отражающих смысл и функциональный стиль текста. В статье приведена диаграмма и описана методика вычисления константы и формы кривой Ципфа.

При таком подходе одной из ключевых задач предпереводческого анализа как раз и релевантно обнаружение в тексте тех элементов, наличие ко-

торых сигнализирует о его принадлежности к определённой функциональной стилистике. Поскольку система машинного перевода (МП), в отличие от человека-переводчика, практически не в состоянии учесть все формальные и содержательные признаки текста в их совокупности, мы предлагаем ограниченный перечень наиболее показательных признаков каждого из функциональных стилей, которые достаточны для автоматического проведения предпереводческого анализа при МП.

Библиографический список

1. Nord C. Textanalyse und Übersetzungsauftrag // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. Neue Beiträge zu einem alten Thema. — München: Goethe Institut, 1989. — S. 19–21.
2. Брандес, М. П. Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. — М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. — 223 с.
3. Узюев, А. Непрочтённый / А. Узюев // Компьютерра. — 2005. — № 1. — С. 65–69.
4. Jamal Halaby. CIA bomber coerced to work for Jordan spy agency [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.komone.com/news/national/80766812.html> (дата обращения: 08.01.2010).

komone.com/news/national/80766812.html (дата обращения: 08.01.2010).

5. John Watkinson. The Engineer's Guide to Motion Compensation. — Snell & Wilcox Ltd, 2007. — 62 p.

6. Kinofilms [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kinofilms.org/titres/sort=date&1=32/thesixthsense> (дата обращения: 16.02.2010).

БАБАЛОВА Галина Григорьевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры иностранных языков Омского юридического института.

Адрес для переписки: e-mail: galya-05@yandex.ru

ГЮНТНЕР Юлия Викторовна, преподаватель кафедры «Германская филология» Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева.

Адрес для переписки: e-mail: uguntner@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.06.2012 г.

© Г. Г. Бабалова, Ю. В. Гюнтнер

УДК 81'38 : 81'42

Н. Н. ПЕЛЕВИНА

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ РЕЦЕПТИВНОЙ ПРОГРАММЫ НАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье предлагаются результаты исследования прагматических особенностей научного текста в актуальной для современной лингвистики дискурсивной проекции. Новизна исследования состоит в понимании автора текста как когнитивно-речевого субъекта научной коммуникации. Рецептивная программа научного текста рассматривается при этом как реализация авторской стратегии рецептивного управления в научном дискурсе. Устанавливаются и описываются лингвистические средства формирования рецептивной программы в научном тексте. Материал и результаты исследования рекомендуются для использования в вузовской практике преподавания учебных дисциплин, связанных с интерпретацией научного текста.

Ключевые слова: когнитивно-речевой субъект, когнитивная компетенция, коммуникативно-прагматические стратегии, научный дискурс, рецептивная программа, рационально-логическая акцентуация.

Антропоцентрический подход к исследованию научного текста позволяет получить системное представление о процессе текстообразования в научной коммуникации исходя из главенствующей роли автора как когнитивно-речевого субъекта, взаимодействующего с объектом познания, семиотическим пространством культуры и читателем.

В научном дискурсе создается текст, который в когнитивных системах автора и читателя соотносится с особым ментальным миром, со специфическим типом воплощаемого в нём знания,

а также с особой текстообразовательной моделью и с другими текстами, строящимися по этой модели и обнаруживающими поэтому определённую общность текстовых структур и стилистических признаков [1, с. 8]. Прототипическую модель текстообразования в научном дискурсе образуют конвенциональные правила и стратегии, знание которых входит в когнитивную компетенцию автора научного текста.

Познавательные стратегии когнитивно-речевого субъекта в научном дискурсе направлены на раци-

онально-логическое представление нового знания о познаваемом объекте в единстве его онтологического и методологического аспектов, а также на представление авторского диалога с предшествующим знанием, результатом которого является интертекстуальный характер научного текста.

Но поскольку любой текст обретает жизнь только во взаимодействии кодирующе-рефлектирующей деятельности автора и декодирующе-рефлектирующей деятельности читателя, в текстообразовательной модели научного дискурса наряду с познавательным аспектом творчества учёного всегда учитывается и его коммуникативная природа.

Коммуникативно-прагматические стратегии автора научного текста направлены на формирование в тексте рецептивной программы инструктивного типа, на убеждение читателя-специалиста в истинности предлагаемого нового знания путём рационально-логической аргументации с учётом психологической составляющей рецептивного воздействия и с опорой на профессиональный тезаурус адресата и интеллектуальный потенциал его личности.

Следует отметить, что деление авторских стратегий на познавательные и коммуникативно-прагматические является условным и принимается в сугубо исследовательских целях, так как в реальной жизни и в реальном творчестве когниция и коммуникация неразрывно связаны. Для изучения текстовой реализации коммуникативно-прагматических стратегий в научном дискурсе целесообразно разделить их на стратегию рецептивного управления, стратегию логического убеждения и стратегию психологического убеждения.

Для реализации стратегии рецептивного управления автор научного текста моделирует контактный диалог текстового субъекта с текстовым адресатом, который образует основу рецептивной программы, позволяя автору управлять восприятием реального читателя, побуждать его к совместным действиям на всех этапах научно-познавательного процесса, представленного в тексте.

При восприятии научного текста читатель занимает позицию текстового адресата и включается в активный творческий процесс. Читательская позиция сотворчества обусловлена фактором когнитивного и речевого взаимодействия, предполагающего активность не только субъекта, но и адресата научной речи, который интерпретирует её содержание и формирует собственное мнение, исходя из своей профессиональной компетенции и своих концептуальных позиций.

В научном диалоге с читателем автору принадлежит лидирующая роль инициатора общения, позволяющая управлять мышлением реципиента, направляя его в требуемое русло и добиваясь определённых изменений его профессиональной концептосферы как результата запланированного воздействия. Сигналами авторского управления рецептивной деятельностью читателя выступают выработанные традицией научного изложения способы акцентуации концептуально значимых фрагментов объектного содержания. Они действуют на всех уровнях восприятия текста читателем, привлекая его внимание, побуждая к сомышлению, помогая осмыслению новой информации, и придают научной речи экспрессивный характер.

Средствами рационально-логической акцентуации выступают, прежде всего, «субъектные компоненты» научной речи [2, с. 380], в частности, модусные конструкции, вводящие: (1) знание: *Bekannt ist*

ja der Befund, dass in begrenzten dialektalen Räumen Archaismen bewahrt bleiben (Ph, S. 609) ¹; (2) авторское мнение: *Ich denke, man muss sie skeptisch beurteilen* (ZfK, 1990, H. 4, S. 527) ²; (3) авторское предположение: *Möglich ist aber auch, dass sie vom kodifizierten Standard überdacht werden* (ZfAL, S. 27) ³; (4) авторские оценки: *Wichtig ist nun, dass jede einzelne dieser Lautungen in unbestimmt vielen Situationen ihre Dienste tut* (W.P., S. 109) ⁴; *Interessant an dieser Bemerkung ist, dass sie gerade von Foucaults Kritik (...) getroffen wird* (RF, S. 13) ⁵; *Entscheidend ist weiterhin, dass soziale Kategorien (...) den Modus unserer Wahrnehmung sozialer Wirklichkeit steuern* (FAL, S. 99) ⁶.

В рецептивном управлении участвуют и вводные единицы, эксплицирующие модус мнения субъектов предшествующего знания: *August Schleicher behauptete, die indogermanischen Einzelsprachen seien direkte Nachkommen voneinander* (С.Н., S. 14) ⁷. Акцентируя интертекстуальные связи при формировании теоретико-методологического фундамента исследования, они обеспечивают «когнитивную и коммуникативную активность автора и читателя» научного текста [3, с. 16].

Создавая рецептивную программу, автор научного текста ориентируется на прогнозируемые им реакции воображаемого собеседника. Такая ориентация является условной и обретает форму специфических стилевых приёмов адресации, переводящих авторский монолог в фокус диалога с использованием элементов разговорной речи в акцентирующей функции. Абсолютным показателем прагматической направленности научного текста являются синтаксические конструкции вопросительного и побудительного предложений. В научной коммуникации они играют текстообразующую роль, обнаруживая дополнительные семантические модификации в соответствии с функционально-стилистическими особенностями научного текста.

Появление вопросительных конструкций в авторском речевом плане моделирует ситуацию, в которой субъект авторской речи как бы перемещается в систему координат текстового адресата и эксплицирует логически предполагаемые вопросы реципиента, призывая его к сомышлению в поиске верного ответа. Затем изложение вновь возвращается в русло субъектной перспективы авторской речи, где этот ответ формулируется. Основанием для рассмотрения вопросительной конструкции в качестве проявления активности адресата является посылка, что фоновые знания автора превышают объём эксплицируемой в тексте информации. Различие в уровне базовых знаний автора и читателя создаёт напряжение «при восстановлении логических связей информационных блоков, что обуславливает предвосхищаемые автором читательские вопросы для уточнения терминологии, научных позиций, запроса дополнительных данных» [4, с. 9].

Для фиксации внимания читателя на важном для автора моменте научного изложения используется приём вопросно-ответного хода. Тесная связь между репликами вопросно-ответного единства обеспечивается повтором наиболее значимых для выражения основной мысли лексических единиц: *Welches von den zwei betrachteten Modellen des Zeicheninhalts ist das richtige? Beide sind „richtig“*. (ZfS, 1998, H. 1 – 2, S. 47) ⁸.

Формируя вопрос с позиции субъекта речи, автор побуждает читателя к когнитивным действиям, активизирующим его память и актуализирующим в его сознании предмет авторского рассуждения:

Was wissen wir denn von der Intuition? Welchen Begriff haben wir von ihr? Sie soll wohl eine Art Sehen sein, ein Erkennen auf einen Blick (W., S. 113) ⁹. Но чаще всего исходящие от субъекта речи вопросы выражают диалогичность авторского мышления, являясь по сути «монологическими» [5, с. 139]. «Разрыхляя» синтаксическую структуру авторской речи, они служат средством выдвижения концептуально значимой информации и вовлечения читателя в логику развития авторской мысли.

Автокоммуникативную направленность авторской речи эксплицируют также полувопросы, требующие подтверждения правильности высказанного в них предположения: *Die Alternative?* (A, S. 106) ¹⁰; *Ob das kommt?* (ZfK, 1988, S. 753) Имитируя особенности внутреннего диалога, автор может упрощать вопросительную конструкцию путём изоляции данного и запроса нового: *Er insistiert also auf der Einigkeit. Warum?* (ZfK, 1988, S. 745).

Рецептивно-регулирующая функция повелительных предложений с императивом 1-го лица мн. ч. обусловлена тем, что семантика этой императивной формы предполагает непосредственное обращение к адресату речи. Используемые при этом глаголы представляют собой «ментальные перформативы», уникальность которых состоит в том, что обозначаемые ими действия «вписаны» не в социальное, а в когнитивное поведение коммуникантов. В них проявляется рефлексия автора над своим рассуждением и изложением, «неразрывная связь когнитивного и коммуникативного в научном дискурсе» [2, с. 459]. Выполняя когнитивную функцию осознания автором своих интеллектуальных операций, они одновременно апеллируют к ментальному миру адресата, побуждая его следовать авторской логике аргументации, чтобы, осуществив совместные с автором ментальные действия, он мог сам прийти к тому же теоретическому выводу: *Halten wir zunächst die offensichtlichen Gegebenheiten des Sprachverhaltens fest* (RS, S. 51) ¹¹.

Аналогичную функцию выполняют побудительные комплексы, выражающие авторскую деонтическую модальность, т.е. утверждение необходимости совершения определённых действий по ходу изложения исследовательского материала. Стереотипные побудительные комплексы, являющиеся неотъемлемым компонентом научной речи, придают рецептивной программе научного текста инструктивный характер, открыто призывая читателя следовать авторскому плану презентации научной информации в целях совместного продвижения к новому знанию. Они представляют собой различные конструкции с именным предикатом, выражающим значение необходимости, модализированные конструкции страдательного залога или презентные формы конъюнктива со значением предписания: *Um diesen Einfluss zu bestimmen, ist es zunächst erforderlich, näher nach der Natur des Globalisierungsprozesses zu fragen.* (RF, S. 57); *Zu beachten ist dann auch, wie ...; Man vergleiche besonders ...* (H.S., S. 292, 86) ¹².

Важную роль в рецептивном управлении играют также авторизирующие конструкции. Эксплицируя именную координату субъекта авторской речи и последовательность его когнитивно-речевых действий, они одновременно формулируют и логику представления научного знания, соотносённую с позицией адресата: *Im folgenden möchte ich auf einige Probleme der Aussprache eingehen.* (ZfAL, S. 29) Подобное слияние авторского комментария и апелляции к читателю наблюдается и при использовании

стереотипных «активизаторов» внимания с глаголами *betonen, hervorheben, unterstreichen, erwähnen, hinweisen*, которые вводятся как в личных, так и в безличных конструкциях.

Следует отметить, что в межсубъектном диалоге личностная координата адресата эксплицируется, как правило, генерализирующим местоимением *wir*, подчёркивающим совместность интеллектуальных действий текстовых коммуникантов и сотворческую роль читателя. Поэтому прямые и косвенные обращения к реципиенту с использованием определённо-личных форм его именной индексации всегда активизируют внимание при восприятии научного текста, выступая абсолютным показателем его адресованности. Открытая заявленность фигуры воображаемого читателя усиливает контактный характер текстового диалога и характеризует индивидуальный стиль учёного, стремящегося отойти от безличной манеры научного изложения: *Der Raum packt Sie und reißt Sie in seine Tiefen; Habe ich damit den Leser überzeugt? Ich hoffe es.* (ZfS, 1998, Н. 3–4, S. 225, 239).

Распространённым средством рецептивного управления является экспрессивный синтаксис: (1) выдвижение на первое место в предложении личной формы глагола, инфинитива или причастия: *Bleibt als letzte Möglichkeit noch die Ergänzung durch einen geeigneten Indikator.* (ZfS, 1999, S. 32); *Zu zeigen ist schließlich noch, dass ...* (ZfK, 1990, Н.5, S. 612); *Und geworden ist sie es dadurch, dass wir sie aus einer Reihe von möglichen Alternativen ausgewählt haben.* (ZfS, 1999, S. 34); (2) рематическое выдвижение придаточного дополнительного: *Dass bei jedem Text immer zwei schreiben, ist bekannt.* (A, S. 145); (3) редуцирование структуры, вводящей придаточное предложение: *Wichtig, weil es von Menschen kommt.* (A, S. 146); (4) безглагольные конструкции: *Hierzu einige Erläuterungen.* (ZfS, 1998, Н. 1–2, S. 42)

Для реализации стратегии рецептивного управления автор научного текста часто использует приём перефразирования, лежащий в основе таких логических операций научного мышления и дискурсивных процедур научного изложения, как определение, пояснение, уточнение. Метаязыковыми средствами введения содержательных эквивалентов выступают речевые обороты *das heißt (d.h.), anders gesagt, anders ausgedrückt, das bedeutet, mit anderen Worten, besser noch, oder besser, genauer, also, bzw.* Они сигнализируют о переходе к поясняющим или уточняющим элементам научного текста, которые, с одной стороны, выступают способом авторского самоконтроля за точностью выражения собственной мысли, а с другой — указывают читателю однозначное направление в развитии авторской мысли для её адекватного понимания.

Рецептивно обусловленным может быть и выбор номинации субъектов предшествующего знания. Имена знаменитых или известных в определённой научной области учёных выступают носителями общей семантической памяти автора и читателя, хранящей общекультурно и профессионально закреплённую информацию [6, с. 120], поэтому они не требуют авторских пояснений. Если же научный текст адресуется более широкому кругу научной общественности, то номинации учёных, известных только среди специалистов конкретной отрасли знания, содержат, как правило, дополнительную информацию для читателя. Сопровождающие антропним лексемами лаконично характеризуют называемого учёного по принадлежности к определённой

области знания (*der Linguist Raimund Drommel*), по роду профессиональной деятельности и национальности (*der russische Forscher W. W. Winogradow*), по отношению к разработанным теориям (*der Begründer der Sprechakttheorie John Langshaw Austin*), по степени признания научной общественностью, вкладу в развитие отрасли знания (*Hermann Paul, einer der bedeutendsten Gelehrten jener Epoche*).

Авторская стратегия рецептивного управления всегда включает в себя план ориентации читателя в текстовом пространстве. Средством его реализации является внутритекстовая ретро- и проспекция. Активизируя текстовую память и связывая дистанцированные друг от друга части научного текста, ретро- и проспективные элементы воздействуют на механизмы рефлексивного мышления читателя, позволяющие ему устанавливать смысловые и структурные связи внутри текстового пространства, следуя заложенной автором интерпретационной программе.

Адекватное понимание читателем авторской научной концепции возможно только на основе системного представления материала исследования. Основным средством систематизации информации в научном тексте является иерархическая организация строго структурированных и снабжённых системой соотносённых между собой заголовков текстовых частей различной протяжённости, подчинённая оптимальному воплощению концептуально-тематических установок автора и осуществляющая одновременно их прагматическое фокусирование.

Чем выше авторское владение техникой композиционно-архитектонической организации текста, тем больше воздействие он оказывает на читателя. Это связано с чёткой систематизацией текстового материала и с ролью «разделительной силы паузы» [7, с. 457], которая возникает при переходе к каждому отрезку архитектурного членения — главе, параграфу, разделу, подразделу, абзацу, подводя итог сказанному и подготавливая читателя к восприятию следующей части текста.

Следует отметить и роль графических, изобразительных средств в управлении восприятием реципиента научного текста. Для активизации внимания используются такие графические способы акцентуации, как разрядка, курсив, жирный шрифт, подчёркивающая линейка, цифровые и иные знаки рубрикации текста. Графические пробелы служат средством «зрительной паузации текста» и задают ритм его прочтения [8, с. 7], звёздочка отсылает читателя к аппарату примечаний. Все графические знаки, передавая «авторскую интонацию на бумаге», участвуют в организации диалога автора и читателя и одновременно являются проявлением авторского стиля научного изложения.

Таблицы, схемы, графики, диаграммы и другие изобразительные элементы включаются в научный текст в целях системного и наглядного представления результатов проведённого исследования. Установление различных сочетаний между вербальными и иконическими средствами передачи информации позволяют автору оптимизировать процесс управления её смысловым восприятием, убеждая читателя в её точности, полноте и достоверности.

Таким образом, в формировании рецептивной программы научного текста главную роль играют средства рационально-логической акцентуации: модусные конструкции, метатекст и другие субъективные компоненты научной речи, эксплицирующие сознательную рефлексивную авторскую над излагаемым

содержанием, которая является одновременно когнитивной и коммуникативной. Их поддерживают лексико-грамматические средства диалогизации авторского монолога: прямые обращения к адресату, экспрессивный синтаксис, вопросно-ответные единства, побудительные комплексы и глаголы речемыслительного действия в императивной форме 1-го лица мн. ч. Направляя развитие авторской мысли, они в то же время отражают и логику её восприятия читателем, регулируют межсубъектное взаимодействие. Все рассмотренные средства прагматической организации научного текста реализуют стратегически спланированную автором комплексную программу рецептивного управления, направленную на создание атмосферы научного сомышления и обеспечение творческого восприятия научного текста читателем.

Примечания

¹Ph — Zeitschrift für romanische Philologie. — Tübingen: Niemeyer, 2004. — Bd. 120. — Н. 4.

²ZK — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikation. — Berlin: Akademie-Verlag, 1990. — Bd. 43; 1988. — Bd. 41.

³ZfAL — Zeitschrift für Angewandte Linguistik. — Frankfurt a. M.: Lang, 2000. — Н. 32.

⁴W.P. — Porzig, Walter. Das Wunder der Sprache: Probleme, Methoden und Ergebnisse der Sprachwissenschaft. — Tübingen u. Basel: Franke Verlag, 1993.

⁵RF — Reale Fiktionen, fiktive Realitäten: Medien, Diskurse, Texte. — Hamburg: LIT, 2000.

⁶FAL — Forum Angewandte Linguistik. — Frankfurt a. M.: Lang, 1998. — Bd. 33.

⁷C.H. — Hutterer, Claus Jürgen. Die germanischen Sprachen: Ihre Geschichte in Grundzügen. — Budapest, 1987.

⁸ZfS — Zeitschrift für Semiotik. — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1999. — Bd. 21; 1998. — Bd. 20.

⁹W. — Wittgenstein, Ludwig. Vortrag über Ethik und andere kleine Schriften. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995.

¹⁰A — Akzente. Zeitschrift für Literatur. — München: Carl Hanser, 1974.

¹¹RS — Rechtskultur als Sprachkultur. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

¹²H.S. — Seidler, Herbert. Allgemeine Stilistik. — Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1963.

Библиографический список

1. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. — СПб.: СПбГУЭФ, 2007. — С. 7—26.

2. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М.: Academia, 2005. — 640 с.

3. Гончарова, Е. А. Междисциплинарные аспекты интерпретации категории адресованности в текстах мемуарного типа / Е. А. Гончарова, Л. М. Бондарева // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1995. — С. 15—33.

4. Романова, Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Л. Романова. — СПб., 1996. — 14 с.

5. Славгородская, Л. В. Научный диалог (лингвистические проблемы) / Л. В. Славгородская. — Л.: Наука, АО, 1986. — 167 с.

6. Гивон, Т. Система обработки визуальной информации как ступень в эволюции человеческого языка / Т. Гивон //

УДК 803.0 : 801.316.4

А. М. КЛЁСТЕР

Омский государственный
технический университет

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Данная статья посвящена описанию когнитивного подхода к изучению немецкой терминосистемы инженерной психологии — научной дисциплины, изучающей объективные закономерности процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек—машина—среда».

Ключевые слова: немецкая терминология инженерной психологии, когнитивный подход.

Когнитивная наука направлена на изучение процессов познания человеком окружающего мира, поэтому выявление структур человеческого знания, вербализованного в терминологии и формирующего научную картину мира, имеет особое значение, так как ученый, носитель научного знания, стремится познать, изучить окружающий мир, проникнуть в суть вещей и описать объективную картину мира.

В рамках когнитивной лингвистики терминология отражает, прежде всего, сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, т.е. с логически осмысленными концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений с отвлечением от второстепенных признаков.

Когнитивное терминоведение учитывает опыт и результаты других подходов в языкознании и представляет свое видение явлений сознания, языка и коммуникации. Это не простое «сложение» возможностей нескольких наук или привлечение некоторых положений и результатов из той или иной науки в лингвистику, а качественно новый уровень исследования, учитывающий единую когнитивную методологию изучения явлений когниции и дискурса для обеспечения новых ракурсов их понимания и объяснения [1, с. 120].

Большинство современных исследователей в области терминологии доказывают преимущества когнитивного подхода, который «делает возможным анализ возникновения и эволюции специального знания в широком цивилизационном контексте, позволяет вскрыть причины и механизмы динамических процессов в сфере терминологической номинации с учетом меняющихся когнитивно-коммуникативных потребностей людей. Все это углубляет научное понимание исторических процессов в терминосистемах, выявляет динамику сложного соот-

ношения специальных структур знания (и сознания) со структурами языковыми [2, с. 12].

Как отмечает В. М. Лейчик: «...необходимо шире использовать успехи таких перспективных областей, как когнитивный подход, включая когнитивную семантику, как теория ЯСЦ, в сочетании с дальнейшим изучением содержания и структуры тех специальных сфер, которые обслуживаются этими языками» [3, с. 235].

В статье Л.М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой о значении когнитивного подхода к исследованию терминологии приводятся следующие доводы:

1. Когнитивный аспект позволяет увидеть, что термин можно изучать не только сам по себе как объект описания, но и в том виде, как он представляется исследователем.

2. Когнитивное терминоведение примиряет исследователей с идеей о сложности и противоречивости термина. Оно нацеливает терминологов на изучение внутренних закономерностей конкретных свойств термина.

3. Когнитивные исследования в области терминоведения способствуют осмыслению новых, более глубоких проблем термина, в число которых входит проблема отношения человека к окружающему миру и его стремление обозначить в языке результаты своего познания» [4, с. 10].

С. В. Гринёв, называя когнитивное терминоведение в числе наиболее перспективных направлений терминологических исследований, отметил его важность «не только для изучения особенностей развития научного познания, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом» [5, с. 33].

Проблема формирования, хранения и передачи профессиональных знаний посредством терминологических единиц приобретает все большую акту-

альность в современном контексте стремительного развития науки и техники, роста новых специализаций. Терминология в русле когнитивного направления рассматривается как результат когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний [6, с. 150].

Терминология — это в действительности лишь одна из актуализированных частей целостного творческого процесса в области науки, где присутствуют объективное и субъективное начала, консерватизм и новизна открытия [4, с. 15].

Когнитивное направление позволяет также по-иному взглянуть на интерпретацию терминологии. Когнитивный подход к описанию терминологий требует, чтобы терминологические единицы были описаны концептуально — как определенные когнитивные структуры или сети. Как отмечает В. Ф. Новодранова, «терминосистема строится на ключевых понятиях, и их описанию нужно уделить наибольшее внимание, тем более что система формируется и как совокупность единиц, и как совокупность очень сложной сетки знаний, которая может быть представлена когнитивными картами, сценарными планами и т.д.» [6, с. 139].

Поскольку главным объектом терминоведения является термин, то идеи когнитивизма не могли не повлиять на теорию и методологию его изучения.

Под влиянием когнитивной лингвистики цели терминоведческих исследований переместились с изучения специфических свойств термина на его внутреннюю природу, обусловленную связью с профессиональной коммуникацией, профессиональным познанием и профессиональной деятельностью, на проблему представления знаний в термине. Впервые в терминоведении выдвинута проблема связи специального наименования с типом профессиональной языковой личности. Необходимо заметить, что новое направление продолжает решать проблемы традиционного терминоведения, например, разграничение «слова» и «термина», происхождение термина, описание терминологии. Когнитологи лишь добавляют собственный концептуальный аппарат: фреймы, концепты, картину мира, моделирование и т.д., связанный с проблемами познания и отражения структур знания в специальных лексемах, прежде всего в терминах.

Рассматривая изучение терминов с позиции когнитивной лингвистики, В. Ф. Новодранова отмечает, что «термин сам становится инструментом познания, закрепив полученную информацию в своем содержании. Он дает возможность обобщать и умножать научные знания и передавать их следующим поколениям ученых» [6, с. 68].

Когнитивный подход в отличие от традиционного усложняет и углубляет понимание термина. Если в традиционном терминоведении предметом исследования являются, главным образом, лингвистические характеристики термина, то когнитивное терминоведение интересуется соотношением концептуальных и языковых структур в профессиональной сфере, особенности концептуализации профессионально значимых объектов [7, с. 40].

Таким образом, считаем необходимым обратиться к исследованиям термина с позиции когнитивной лингвистики, где в центре исследования находится язык как отражение человеческого опыта.

В когнитивном терминоведении существует утверждение, что термин — это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубля-

ется в процессе познания (когниции), перехода от концепта — мыслительной категории — к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности [3, с. 22].

В исследовании М. В. Володиной отмечается необходимость учета всех разновидностей информации, которая участвует в формировании нового знания. Причем особое внимание уделяется «терминологической информации», носителем которой является термин. С этой точки зрения, термины — это приобретение, хранение и репродуцирование информации, но информации особой, создающей систему языкового выражения специальных понятий — терминологию. Источником формирования терминологической информации является практическая преобразующая деятельность людей, накопленный ими общественно полезный опыт. Этим определяется социальная сущность терминологической информации, концентрирующей в себе коллективную научно-профессиональную память, в качестве базовых единиц которой выступают понятия или концепты. Терминологическая информация создается на основе знаний об объектах, которые кодируются в конвенциональных лексических значениях общеупотребительных слов. Чем больше информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, содержится в значении общеупотребительного слова, тем выше вероятность выбора этого слова для обозначения терминируемого им предмета или явления. Отсюда следует, что *«термин представляет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выработанное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования носителями коллективного профессионально-научного знания, которое оптимизирует познавательную и преобразующую деятельность людей»* [8, с. 30].

Современная теория терминообразования также развивается в русле новой парадигмы лингвистического знания. Проблема формирования термина остается одной из основных проблем терминоведения.

Как отмечает В. Ф. Новодранова, «обычно термин возникает как обозначение нерасчлененного представления и длительное время может существовать как предтермин, пока представление об определяемой сущности на основании профессионального знания и апробации обществом не приобретет необходимые и достаточные признаки и не превратится в упорядоченную структуру знания, которая подводится под термин». Структура знания — это совокупность концептов, объединенных определенной иерархией, и объективированных в термине. Так же как и термин, слово является результатом познания, то к деривации термина используется тот же подход, что и к словообразованию, т.е. с позиций когнитивной лингвистики и с учетом коммуникативных потребностей человека. Таким образом, по мнению В. Ф. Новодрановой, термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности. Более наглядно это видно при анализе процессов терминообразования в связи с дискурсом или текстом, где, перед тем как ввести определенный термин, ему дается полное описание или объяснение [6, с. 150].

Изучив понимание термина с позиции когнитивного терминоведения, выяснилось, что новое когнитивное понимание термина не противоречит традиционной трактовке, а лишь дополняет его.

Итак, термин является необходимым условием существования, хранения, дальнейшего развития и совершенствования профессионально-научного знания. Когнитивное направление открывает новые возможности для переосмысления проблем терминоведения и позволяет сделать новый шаг в описании терминологии, предлагая иной взгляд на ранее изученные вещи — рассматривает вопрос взаимодействия профессионального мышления и терминологии как средства его вербализации.

Проблема поиска соответствующих структур представления знаний, используемых в процессах языковой коммуникации, постоянно оставалась одной из наиболее актуальных в когнитивной лингвистике.

По мнению М. Н. Володиной, понятийно-языковая иерархическая классификация, лежащая в основе системы знания, необходима для четкой логической выводимости понятий конкретного уровня из общих понятий [8, с. 60].

Информация об окружающей действительности кодируется в названиях, через которые можно восстановить концепты, сложившиеся о ней у человека. Познание же объекта или явление действительности предполагает вычленение его из ряда других, установление определенных связей между различными реалиями, то есть их классификацию и категоризацию.

Категоризация — одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека и определяется как способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, рядам и категориям. Категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер [9, с. 87].

Проблемы категоризации глубоко исследовались как зарубежными, так и отечественными учеными (Е. С. Кубрякова, Г. Г. Галич, Р. Браун, Дж. Лакофф, Э. Рош, психолог Р. А. Солсо и др). Изучение языковой категоризации заключается в желании понять связи, которые существуют между тем, что выражено в языке, в его поверхностной реализации, и тем, что скрыто от наблюдателя, что уходит в глубины сознания человека и составляет подводную часть «ментального айсберга» [1, с. 47].

К числу основных типов категорий относят базовые категории, которые считаются первичными, поскольку соответствуют естественной форме категоризации мира в процессе его познания. Категории базового уровня формируются концептами базового уровня в виде гештальтов, представляющих воспринимаемый мир без расчленения на отдельные характеристики и свойства предметов и явлений. И, если учесть тот факт, что «...эти функционально-содержательные объединения выделяются на основе общности функций или общности содержания, то они, по сути, являются реализациями некоторых обобщений, т.е. категорий в логическом смысле, и сами могут быть признаны грамматико-лексическими категориями в смысле языковом. Совокупное содержание такого объединения может быть подвергнуто когнитивной интерпретации как (гипотетически) изоморфное реальным речемыслительным структурам (термин С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972]), в этом случае категория может получить статус когнитивно-грамматической, когнитивно-семантической или шире — когнитивно-лингвистической» [10, с. 195].

Когнитивная наука поставила вопрос о категоризации как вопрос о когнитивной деятельности человека, как вопрос о том, на основании чего клас-

сифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, то есть классифицирует их и подводит под объединения — классы, ряды, группировки, множества, категории [9, с. 45].

Т. А. Канделаки предлагает свою классификацию и говорит, что в процессе упорядочения предстает значение не одного отдельно взятого термина, а целой группы терминов для понятий, связанных различными отношениями — совокупности всех категорий, выделяемых в данной области или какой-либо ее части. Важным понятием в организации содержания является несколько предельно широких по значению семантических групп-категорий [11, с. 45].

В профессиональной лексике можно выделить следующие категории: категория процессов и явлений; категория предметов; категория состояний; категория единиц измерения; категория режимов; категория признаков и свойств; категория величин; категория наук и отраслей; категория профессий и занятий. Так как категория процессов объединяет в себе не только наименования действий, но и сами глаголы, объем каждой области понятий внутри каждой подгруппы может делиться по разным признакам. И все понятия, входящие в любую параллельную классификацию, находят свое отражение в структуре соответствующих категорий.

Идея о том, что термин необходимо рассматривать не как отдельный знак, а как член определенной системы, развито в работах Д. С. Лотте [12], который предложил понятие системности терминосистемы, базирующееся на логической схеме понятий. С этой точки зрения, главным обоснованием системного характера терминосистемы признается системность отношений в плане содержания: место термина в терминосистеме определяется местом соответствующего понятия в системе понятий в области данного знания, терминология традиционно рассматривается как совокупность специальных наименований, объединенных в терминосистемы, отражающее категориальный аппарат конкретных наук, научных направлений, школ.

Что касается терминологии, то, поскольку термин призван служить эффективным инструментом научной коммуникации через упорядочение, хранение, переработку и передачу информации, он должен основываться на определенного рода ментальных категориях, заложенных в памяти специалиста. Категоризация с позиций когнитивной парадигмы — это отражение процесса, который соотносит предмет научной мысли с определенной концептуальной категорией и определяется языковым знаком. Процесс категоризации осуществляется как форма познания мира в виде классификационной деятельности человеческого разума: категории формируются как результат систематизации и упорядочения приобретаемого человеком знания. Исследование научной картины мира посредством выявления процесса категоризации дает представление об участии структур знания и человеческого опыта в когнитивно-дискурсивной деятельности человека.

Методика категориального моделирования немецкой терминосистемы инженерной психологии выполняет несколько функций:

— ограничивает терминологический массив (отбор базовой терминологии);

— выступает основой для построения термино-

системы;

— дает возможность в дальнейшем использовать понятия в функции родовых для построения краткого классифицирующего определения этого понятия в словарном произведении;

— используется для снятия межотраслевой и внутриотраслевой категориальной многозначности.

Категориальная модель немецкой терминосистемы инженерной психологии представлена 12 категориями: из них 4 могут быть определены как общенаучные категории (*предметы, величины, процессы и свойства*), и 8 — как отраслевые категории (*основы и методы инженерной психологии; нормативы / требования; решения и ошибки оператора; состояния здоровья оператора; проверяемые параметры; прием и переработка информации оператором, техническое обеспечение*). Мы сочли необходимым выделить также категорию *отраслей и профессий*.

В рамках когнитивного подхода представляется адекватным описать терминосистему инженерной психологии при помощи категориально-понятийной модели. Опираясь на классификацию Д. С. Лоте [12], которая необходима для более точного и полного описания понятийного аппарата, мы рассматривали общенаучные категории. Деление терминов производилось на основе их принадлежности к следующим категориям понятий: предметы, величины, процессы и свойства.

К категории предметов принадлежат понятия об устройствах, деталях, механизмах и тому подобное.

В категорию процессов входят понятия, связанные с действиями, перемещениями, с количественными и качественными изменениями.

К категории свойств относятся понятия, характеризующие качественную сторону предметов (долговечность). В конкретных системах понятия, относящиеся к категории свойств, могут определяться так же, как «способность», в зависимости от терминологической практики, сложившейся в той или иной области знаний.

В категорию величин включаются понятия, оценивающие деятельность с количественной стороны. Поскольку количественно оцениваются и предметы, и процессы, и свойства, то типы понятий категории величин могут быть чрезвычайно разнообразны.

В данной статье проведен анализ работ по терминологии, в которых подтверждается эффективность использования когнитивного подхода при рассмотрении межотраслевой терминосистемы.

Итак, применение когнитивного подхода к исследованию немецкой терминосистемы инженерной психологии на материале выборки терминов общим объемом 3512 терминологических единиц показало, что:

1. Инженерная психология является комплексной научной дисциплиной интегративного характера, поэтому ее терминосистема неоднородна по своему составу, имеет междисциплинарный характер и масштабные рамки.

2. Категориальный анализ отражает специфику инженерной психологии и позволяет выявить ее особенности, которые заключаются в наличии 12 категорий: из них 4 могут быть определены как общенаучные категории и 8 — как отраслевые категории. Возможны дальнейшая детализация категориальной структуры и выявление связей между ними.

3. Описание категориальной структуры терминосистемы ИП демонстрирует инженерно-психологическую карту и позволяет выстроить категориальную модель, дающую возможность выявить и проанализировать иерархию связей между отдельными частями изучаемой области научного знания науки.

Библиографический список

1. Манерко, Л. А. Истоки и основания когнитивно - коммуникативного терминоведения / Л. А. Манерко // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. М. Лейчика. — М. : Рязань, 2003. — С. 120 — 126.
2. Голованова, Е. И. Предмет и задачи когнитивно-исторического терминоведения / Е. И. Голованова // Научно-техническая терминология. — 2007. — Вып. 1. — С. 12 — 13.
3. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М. : КомКнига, 2009. — 256 с.
4. Алексеева, Л. М. О тенденциях развития современного терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения : Междунар. сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. З. И. Комаровой. — Екатеринбург, 2007. — С. 8 — 11.
5. Гринёв, С. В. О современном состоянии терминоведения / С. В. Гринёв // Научно-техническая терминология : материалы 10-й Междунар. науч. конф. по терминологии. — М., 2004. — С. 21 — 35.
6. Новодранова, В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В. Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. М. Лейчика. — М. ; Рязань, 2003. — С. 150 — 155.
7. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Гуреева. — Челябинск, 2007. — 174 с.
8. Володина, М. Н. Когнитивно - информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 181 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1997. — 245 с.
10. Галич, Г. Г. Когнитивные стратегии и языковые структуры / Г. Г. Галич // Труды ученых Омского ун-та. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. — 232 с.
11. Канделаки, Т. Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом / Т. Л. Канделаки // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М. : Наука, 1970. — С. 40 — 53.
12. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте // Вопросы теории и методики. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 160 с.

КЛЁСТЕР Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарного образования.

Адрес для переписки: e-mail: annaklyoster@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.06.2012 г.

© А. М. Клёстер

РОЛЬ ЭПИГРАФОВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Д. И. ФОНВИЗИНА «ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ДЕЛАХ МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ» (1798 г.)

В статье анализируется жанровое своеобразие одной из первых русских автобиографий XVIII в. Рассматриваются источники записок Д. И. Фонвизина — церковная исповедь и литературные модификации жанра («Исповедь» Руссо и «Исповедь» Августина Блаженного).

Ключевые слова: автобиография, исповедь, рефлексия, самоотчет, библейские цитаты и аллюзии.

Интерес Д. И. Фонвизина к биографической форме приведет к созданию разных ее модификаций: риторической биографии «Каллисфен» (1786) и автобиографических заметок «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1798). В комментариях к сочинениям Фонвизина отмечается, что автобиографические записки написаны автором «в состоянии пошатнувшегося душевного равновесия, что выразилось в несколько болезненной религиозности, проникшей и в повествование» [1, с. 315]. На наш взгляд, нездоровье Фонвизина не объясняет литературные особенности его произведения, тем более что сам писатель указывает источник, на который опирается, в самом начале текста: «Славный французский писатель Жан-Жак Руссо издал в свет «Признания», в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества, — словом, написал свою исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так не будет и подражателей» [1, с. 274]. Ориентация Фонвизина на «Исповедь» Руссо очевидна не только в текстовых совпадениях, но и в сюжетно-композиционной структуре записок, а также ряде приемов, к которым обращается русский автор. Сопоставим.

Фонвизин: «<...> приближаясь к пятидесяти летам жизни моей, прошед, следственно, половину жизненного поприща и одержим будучи трудною болезнию, нахожу, что едва ли остается мне время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззакония моя аз возвещу*. Нет намерения моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращение свое: *Господи! Не уклони сердца моего в словеси лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юже вселил в душу мою*» [1, с. 274].

Руссо: «Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно — я предстану пред Верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: "Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для

того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. <...> Я обнажил всю свою душу и показал ее такую, какою ты видел ее сам, всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. <...> и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: "Я был лучше этого человека"» [2, с. 3–4].

В приведенных отрывках обнажается наиболее характерная для традиции исповеди ситуация «на пороге». Исповедальная литература отличается от других типов публичной автобиографии тем, что здесь «тема личной смерти в разных ее вариациях начинает играть существенную роль в автобиографическом самосознании человека» [3, с. 74]. Первыми образцами подобной формы стали так называемые консоляции (*consolatio*) и солилоквиум (*soliloquia*), т.е. «утешения» и «одинокое беседа с самим собою». Сюда относят такие произведения, как диалоги Цицерона, Августина, «Утешение философией» Боэция, письма Сенеки, «К себе самому» Марка Аврелия, наконец, «Исповедь» Августина.

В то время как более раннее произведение Фонвизина «Каллисфен» ориентируется на биографическую традицию Плутарха, в поздних автобиографических записках создается опора на другую модификацию, в которой важно выразить события не просто частной, сугубо интимной стороны жизни, а события, пронизанные личностной рефлексией. Для русской литературы такой опыт был одним из первых, предвещающий такие произведения, как «Моя исповедь» Н. М. Карамзина (1802), «Авторская исповедь» и «Выбранные места ...» Н. В. Гоголя.

Отметим, что воздействие текста Руссо и его авторской позиции наиболее всего сказалось во Введении и Книге первой записок Фонвизина. Известно, что русский перевод первых двух частей «Исповеди» появился в 1797 г. Однако русский автор, вероятнее всего, работая над своим произведением, опирался не на перевод, а на французский оригинал, поскольку

ку текстовые совпадения не ограничиваются прочтением лишь указанных двух частей, а, по крайней мере, первых трех книг «Исповеди» Руссо. Сам Фонвизин говорит о своем втором заграничном путешествии 1777–1778 гг. в «Письмах из Франции», где упоминает о знакомстве с текстом «Исповеди». Супруга Руссо передала рукопись для опубликования в 1794 г. Читал ли в то время русский писатель все произведение Руссо, сказать сложно, но, может быть, Фонвизин был знаком с рукописным невшатским вариантом книги, куда вошли первые три книги целиком и часть четвертой книги.

Итак, характер, изображаемый в начальных частях «Исповеди» Руссо, перерабатывается в фонвизинских записках. Факты личной биографии русского автора соединяются с жизненными подробностями и чертами личности, воссозданной у Руссо. Конечно, здесь не может быть и речи о простой компиляции. Фонвизин стремится найти внутреннее сходство, точнее *сродство*, своего рассказчика с образом «Я» «Исповеди». Отмечая близость раннего этапа своей биографии с теми событиями, что изложены французским писателем, Фонвизин усиливает эту параллель, идя от личного переживания к осмыслению закономерностей развития человеческой души, отраженной в процессе рефлексии.

Так же как в книге Руссо, родители героя идеализированы, а в образе «я» раскрываются такие черты, как раннее пробуждение способности чувствовать, столкновение противоположностей в характере, конфликт ощущений сердца и незрелости ума, страсть к чтению, артистизм, остроумие, даже определенный авантюризм сближают обоих героев. Однако стиль записок Фонвизина предельно лаконичен, в отличие от пространных периодов Руссо, создающего романную перспективу. В этом смысле русский писатель ближе образно-стилевой традиции жития, где бытовые подробности никогда не выступают на первый план, а нужны лишь для того, чтобы создать фон текущей жизни. Здесь перевес всегда на выражении религиозного чувства предстояния перед Высшим бытием и слияния с ним. Думаем, что попытка Фонвизина синтезировать опыт западноевропейской светской исповедальной литературы с христианской учительной традицией приводит к невозможности завершения текста записок.

На формирование светской литературной исповеди заметное влияние оказал «сократический диалог». К примеру, в приведенных выше отрывках из произведений Руссо и Фонвизина «ситуация суда и ожидаемого смертного приговора» (М. М. Бахтин) явлена не в исторической конкретной перспективе, как это было в «Апологии» Платона, но знаменует собой дальнейшее развитие этой жанровой традиции, восходящей к «Исповеди» Августина. Авторы создают общечеловеческую ситуацию перехода из временной жизни в жизнь вечную, изображая человека в преддверии Страшного Суда и последнего покаяния.

В этом отношении необходимо отметить, что Фонвизин, разрабатывая сами принципы автобиографии-исповеди, «самоотчета», опирался на житийную литературу и, в целом, христианскую духовную традицию. Как пишет А. В. Растягаев, «В духе средневековой агиографической традиции эпиграфы и тематические ключи исполняют роль знака — заместителя цитируемого текста» [4]. Исследователь довольно подробно раскрывает интертекстуальные связи текста записок Фонвизина с христианскими псалмами и молитвами [5, 6].

Вместе с тем важно отметить, что писатель не просто ориентируется на тот или иной текст из Библии, Фонвизин в секулярной традиции пытается вернуться в лоно церковного обряда исповеди и покаяния. Эпиграф к тексту «*Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых*» — это не только цитата из псалма 37 (ст.19). Автор вводит повествователя и читателя в ситуацию предстояния перед Богом, поскольку указанный псалом входит в так называемое шестопсалмие — последовательный ряд текстов из Псалтири (пс. 3, 37, 62, 87, 102, 142), что читается каждое утро, в том числе в субботу, воскресенье, праздничные дни, в церковном богослужении (за исключением Светлой Седмицы), напоминая о подвиге Христа, покаянии и смирении.

В этом отношении структура текста записок представляет собой *параболу*, совмещающую личную судьбу Фонвизина, историческую и культурную ситуацию конца XVIII в. с библейскими временами. Подобный тип конструирования произведения, действительно, связан с феноменом средневекового мышления, нашедшим отражение в житийной традиции и других формах, генетически связанных с богослужебной литературой (исповедь, покаяние, проповедь и т.д.).

В истории русской литературы XVIII в. в тот или иной период развития становились актуальными разные формы духовной учительной словесности. Так, в первой трети XVIII в. светская культура активно осваивала жанры слова, проповеди (Ф. Прокопович), почти одновременно вызывая пародию на высокую традицию (Всешутейший собор). Во времена расцвета классицизма русские поэты переосмысливают гимнографическую и псалмопевческую традиции («Вечернее размышление о Божем Величестве» и «Утреннее размышление о Божием Величестве» М. В. Ломоносова, многочисленные переводы псалмов [7]). В последние десятилетия XVIII в. особенно важной оказывается трансформация таких сложных форм христианской словесности, как жития, хождения, исповедь, что найдет свое выражение не только в мемуарной, биографической или автобиографической литературе, но и в синтетических произведениях А. Н. Радищева «Письмо другу, живущему в Тобольске», «Житие Ф. В. Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву».

Ведущий эпиграф записок Фонвизина — упомянутый псалом 37 — читается во время тяжелой болезни и гонений с упованием на помощь свыше. Отметим, что в своем «Чистосердечном признании ...» автор создает образно-стилевую доминанту, резко отличающую указанный текст от всех произведений, написанных им ранее.

Для автобиографических записок потому настолько важна традиция философских дидактических форм, что она позволяет увидеть сопряжение индивидуально и универсального. Здесь автору необходимо постоянно менять «фокусировку» не только внутри человеческого мира (близкое — дальнее), но и вне его. Автор, таким образом, сталкивается с проблемой изображения самосознания, «я», разрешить которую возможно только одним способом: создать ситуацию «*внезаходимости*», по выражению Бахтина, «я вижу себя вне себя» [8, с. 241]. В этом смысле литературная традиция находит наиболее уместные принципы и приемы изображения в зависимости от авторской установки. Возможно выстроить *монологическую* риторическую биографию (автобиографию) на столкновении точек зрения разных героев (записки Екатерины II, Е. Р. Дашковой, А. Е. Лабзи-

ной), при этом голос повествователя является решающим, обобщающим и обобщающим. Возможно *расщепление* внутренней целостности «я», изображенное как диалог двух голосов, когда «я» пытается принять точку зрения другого (Петрарка «Моя тайна, или Об отречении от мира»). Возможно, что «я» выдаст себя за другого (некто «Эн» в записках Л. Я. Гинзбург). В любом случае подобная повествовательная литература нуждается в проверенных временем суггестивных философских формах (сократический диалог, диатриба, логисторикус, солилоквий, аретологические жанры, мениппова сатира и др.).

Обращение к библейскому Слову в записках Фонвизина не только расширяет масштаб изображаемых событий, но и дает возможность выстроить дистанцию между автором и условным «я» рассказчика, индивидуальное сознание ввести в многомерный поток общекультурного бытия. Экзистенциальная ситуация и позволяет выразить «внезаходимость», тот трансцендентный опыт общения с Высшим миром, который невозможно человеческими усилиями полнозначно проявить, объяснить, понять.

Кроме того, эпиграф каждой части записок отсылает к Священному Писанию. Так, эпиграф из книги первой «*Госпоги! Дажь ми помыл исповедания грехов моих*» — строка из молитвы на сон грядущий (седьмая молитва св. Иоанна Златоуста). Воспоминание разворачивается в ситуации молитвенного покаяния. Герой просит Вышнего дать возможность не просто осознать свои человеческие поступки в здешнем мире, а понять их обобщенный смысл, насколько это вообще под силу человеку, с точки зрения вечности. Увидеть закономерности человеческого поведения, не зависящие от времени, пространства, культуры и т.д. Только с помощью Высшей силы «я» могут увидеть себя со стороны, а значит, постичь свой путь. Иными словами, в исповедальной литературе без дистанцирования автора от героя в принципе невозможно изобразить самоосмысление. Рефлектирование всегда связано с дистанцированием, условностью, новой позицией, которую необходимо избрать человеку вовне самого себя. Как мы уже отметили, это становится возможным для автора в обращении к древней традиции дидактических форм и серьезно-смеховых жанров, а также благодаря пороговой ситуации молитвенного обращения. Здесь необходимо так называемое «*расширение*» сознания и души, которое взыскуется свыше.

Эпиграф из книги второй («*Госпоги! Отврати лице Твое от грех моих*») — часть строки 11 из псалма 50: «Отврати лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти») усиливает принцип отстранения. Псалом 50 — один из трех псалмов Третьего часа — является также частью чина общей исповеди. Здесь речь идет об осознании своего «беззакония». Во второй части записок Фонвизина рассказывается о соблазне «бурных страстей».

В отличие от Руссо, автор записок Фонвизина стремится к однозначным выводам, с которыми, однако, идут вразрез изображенные житейские анекдоты, рассказы о чтении комедии «Бригадир» царскому семейству и т.п. Подобная разностильность, связанная с традицией серьезно-смеховых форм, никак не уживалась с авторской установкой и, в конце концов, привела к невозможности завершения текста.

Эпиграф из книги третьей: «*Госпоги! Всем сердцем моим испытую заповеди твоя*» — несколько измененная строка 10 из псалма 118 (кафизма 17):

«Всем сердцем моим взысках Тебе, не отрини мене от заповедей Твоих». Указанная книга, акцентируя внимание на вопросах испытания веры, открывается строчкой из псалма, который читается в будничной полунощнице, на субботней, а иногда и на воскресной утрени. Он входит в состав погребальной и заупокойной служб, где исполняется с припевом «Аллилуия» после каждого стиха. На утрени Великой субботы псалом 118 исполняется с особыми припевами (похвалами), являясь центральной частью этого богослужения. Таким образом, эпиграфы в записках Фонвизина определяют особенности хронотопа. Ведущий эпиграф — строка из псалма 37 — имеет надписание «в воспоминание о субботе», т.е. «о покое», иными словами, воспоминание о невинности до грехопадения. Последний эпиграф также отводит читателя к размышлению о днях Великой субботы в преддверии Пасхального торжества. Линейное биографическое время, таким образом, словно по касательной сходится с циклическим временем богослужебного обряда, сращивая ситуацию личной исповеди с последующим воскрешением, что остается уже за пределами текста и жизни, а значит, вне земного опыта души. Автор изменяет псалмическую строку, утверждая свою верность божьему Закону и личное осознание-приятие его.

Классический сюжет античной биографии испытания идеей, к которому обращается Фонвизин, не может привести к окончательному *исчерпывающему* ответу на все поставленные вопросы, так как жизненный «эксперимент», само течение жизни не прекращаются с уходом человека из нее. Однако традиция учительной литературы, напротив, ведет автора к каноническому разрешению финала в свете ожидания Апокалипсиса и Страшного Суда. Обе столкнувшиеся в сознании автора традиции так и не приведут к завершению записок.

Несмотря на все изложенное, античная и христианская литературные традиции иногда настолько срастаются, что точно определить источник авторских представлений оказывается невозможно. Идея, изображающая человеческое поведение детерминированным, а ум ограниченным, характерна для античной философии, но и в Псалтири (в целом, в христианском созерцании) человек вне Бога — ничто. Так, цитируемый Фонвизиним псалом 37, «Апология» Платона, «Исповедь» Руссо и другие произведения европейской исповедальной литературы взаимодействуют в авторском сознании.

Фонвизин, как и Руссо, во многом предвзято литературные и нравственно-философские поиски русских романтиков, приходит к пониманию того, что человек не может знать истину в полноте ее, а тем более высказать эту полноту. Культурное приобщение к литературной традиции, «памяти жанра» становится путем к бессмертию и восстановлению целостности «я» в его слиянии с миром. Фонвизин оказался одним из первых русских авторов, осваивающих духовные измерения литературного творчества в секулярной прозе. Интересно, что он так же, как немногим позднее Карамзин («Рыцарь нашего времени»), не изображает человеческую зрелость, сознание, пришедшее к определенным закономерностям постижения жизни. У него дано становление «я», по выражению Бахтина, «незавершенность человеческой личности».

Талант драматурга дает о себе знать там, где автор склонен описывать конфликтные ситуации, перипетии и т.п., однако статичные герои остаются далеко позади. Фонвизин столкнулся с задачей изо-

бражения «текущего» (и одновременно протекающего) сознания.

По мнению Бахтина, именно создание исключительных ситуаций очищает слово «от всякого жизненного автоматизма и объектности, заставляющей человека раскрывать глубинные пласты личности и мысли» [9, с. 187 – 188]. Безусловно, Фонвизин размышлял о способах изображения жизни и человека, работая над своими записками. Уходя от схематичного отображения человеческого существа, определенного традициями классицизма, писатель перерабатывает опыт Руссо и более ранних представителей исповедального жанра в европейской литературе — Августина, чей перевод появился в России в 1797 г., Боэция и Петрарки. Как рождается «внутренний человек» в этой традиции? Думаем, что фрагментарность, дискретность изображения человека в фактах, мыслях, чувствах, поступках — необходимый материал исповедальной литературы, в которой эта «отрывочность» человеческого роста дополняется, оформляется рефлексией. Молитвенное славословие ведет к оцельнению человеческой души, по выражению Августина, «младенца», в духе.

Жизненный факт множество раз переосмысливается, прежде чем стать «литературным фактом». Для исповедальных форм характерны не только тщательный отбор из того материала, который предоставляет сама жизнь, но и перестановка, выделение, придание тем или иным жизненным историям большей достоверности или важности. Это все — уже специфическая работа авторского сознания и воображения, ведущая к оцельнению конкретного, мимолетного и преходящего человеческого переживания. Воображение «прошивает» фактографию, вводит ее в область архетипа, мифа. Культурная память предлагает наиболее «отстоявшиеся» формы для изображения личного опыта, входящего в общечеловеческий. Тогда факт реальной биографии или автобиографии «обрастает» жанровым содержанием и стремится обозреть полноту общечеловеческих смыслов, отложившихся в «пластах» жанра: от «Апологии» Платона к «Исповеди» Августина, от христианских «исповеди», «жития», «видения» к прозе Нового времени.

Антропологическая проблема в исповедальной литературе всегда связана с теодицеей. Так, Августин в своей книге, которая послужила образцом «исповеди» на долгие века существования европейской литературы, именно в последних частях размышляет о первотворении, пытаясь соединить «начала» и «концы», в финале своего жизненного поприща открывая замысел Божий о земном рае для всего человечества. Канва событий в исповеди может расширяться или, наоборот, сужаться (как

в записках Фонвизина), между тем исповедальный текст у разных авторов сходным образом воспроизводит пространство и время: от рождения к умиранию — и рождению в новом качестве. Такова логика (и топика) формы. Мир изображается как постоянно творящееся из тьмы в свет.

К концу XVIII в. русская литература совершает многомерный культурный синтез различных традиций, в том числе и в жанре (авто)биографии-исповеди. Опыт Фонвизина будет продолжен в записках И. В. Лопухина, Г. Р. Державина, а впоследствии Н. В. Гоголя.

Библиографический список

1. Фонвизин, Д. И. Сочинения / сост. Н. Н. Аконова, предисл. Г. П. Макогоненко, примеч. М. В. Иванова [Текст] / Д. И. Фонвизин. — М.: Правда, 1981. — 320 с.
2. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / пер. с фр. Д. А. Горбова [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 702 с.
3. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] / М. М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 304 с.
4. Растягаев, А. В. Чистосердечный Фонвизин / А. В. Растягаев // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Rastiagaev/> (дата обращения: 01.11.2011).
5. Растягаев, А. В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев) [Текст] / А. В. Растягаев. — Самара: Изд-во СамГПУ, 2007. — 410 с.
6. Растягаев, А. В. Образ мира Д. И. Фонвизина (концептосфера «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbnruussia.org.kr/files/4-7.pdf> (дата обращения: 21.10.2011).
7. Пророк: Библейские мотивы в русской поэзии / ред. кол.: Е. В. Витковский, М. Л. Гаспаров, Е. Ю. Гениева и др. [Текст] / В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков и др. — М.: Изд-во АСТ; Харьков: «Фолио», 2001. — 408 с.
8. Бахтин, М. М. [К вопросам самосознания и самооценки...] [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 241 – 248.
9. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1972. — 472 с.

КОПТЕВА Элеонора Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы. Адрес для переписки: e-mail: eleonora_kopteva@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 24.05.2012 г.

© Э. И. Коптева

Книжная полка

ББК 81.432.1/А23

Агабекян, И. П. Английский язык для студентов энергетических специальностей: учеб. пособие для вузов / И. П. Агабекян. — Ростов н/Д: Феникс, 2012. — 364 с. :—ISBN 978-5-222-18881-1

Учебное пособие соответствует Гос. образовательному стандарту и требованиям программы по иностранному языку для вузов. Для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника», «Электронная техника, радиотехника и связь». Учебное пособие содержит тематические тексты для чтения и перевода, поурочный грамматический справочник с закрепляющими упражнениями.

ЖАНРОВАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена исследованию феномена гетерогенности в прагмалингвистическом аспекте, его реализации на жанровом уровне в современных дискурсивных практиках. Описываются виды смешения жанров (контаминация, монтаж и нарушенные текстотипы) и их прагматический потенциал.

Ключевые слова: гетерогенность, жанр, прагмалингвистика.

Проблема воздействия одного участника коммуникативного акта на другого является в настоящее время объектом внимания многих гуманитарных дисциплин, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка — лингвистики, семиотики, социологии, антропологии. Наличие в лингвистической литературе целого ряда дефиниций и интерпретаций понятия речевое воздействие свидетельствует о сложности данного феномена и его значимости для развития всей парадигмы научного знания. Современные исследователи связывают процесс речевого воздействия, в первую очередь, с целевой установкой субъекта воздействия, заключающейся в намерении повлиять на сознание, деятельность, на принятие тех или иных решений вторым участником коммуникативного акта — объектом речевого воздействия [1, с. 21]. Объектом современных отечественных и зарубежных исследований являются механизмы введения нового знания в модель мира человека, психологические, возрастные, гендерные, национальные особенности адресата, коммуникативные стратегии и тактики, языковые и речевые средства их реализации [1–3].

Отмечая наличие значительного количества работ, посвященных проблемам речевого воздействия, и высокую степень их разработанности, следует подчеркнуть, что современная коммуникативная практика порождает новые формы и средства воздействия, требующие изучения и осмысления. К последним может быть отнесено, по нашему мнению, такое явление как жанровая гетерогенность, отражающая процесс и результат взаимодействия и смешения жанров с целью создания перлокутивного эффекта.

Опуская подробное рассмотрение подходов к определению жанров в отечественной лингвистике, отметим работы В. В. Дементьева, В. А. Салимовского и В. Е. Чернявской. По мнению В. В. Дементьева, в России развиваются два направления: генристика (изучение жанров в лингвистическом аспекте) и жанроведение (изучение жанров в прагматическом аспекте) [4]. Анализ зарубежных работ по теме исследования также обнаруживает наличие различных подходов к выделению жанров и трудности создания более или менее универсальной классификации жанров [3, с. 60–61].

Продуктивным для исследования прагматического потенциала жанровой гетерогенности, на наш взгляд, является подход немецких лингвистов (R. Rada, B. Sandig, U. Fix). Авторы выделяют элементы, определяющие принадлежность конкретного

текста к жанру: пропозициональный, иллокутивный и структурно-стилистический [5, 6].

В пропозициональном компоненте (propositionales Grundelement) отражается общее тематическое содержание группы текстов, относящихся к одному жанру. Например, жанр брачного объявления освещает основные характеристики адресанта, потенциально привлекательные для адресата, а объявление о рождении ребенка сообщает о знаменательном семейном событии.

Иллокутивный компонент (illokutives Grundelement) выражает основное речевое действие, например, *привлечь внимание* потенциального партнера (жанр брачного объявления) или *информировать* о рождении ребенка (жанр объявления о рождении).

Стилистические и структурные элементы (stilistisch-formulative Grundelemente) составляют третий компонент. Например, в жанре брачного объявления представлены в определенной последовательности отдельные структурные элементы, являющиеся типичными для этого жанра: субъект (кто?) ищет объект (кого?). К облигаторным элементам могут быть отнесены: а) описание себя (*Bin 60 J. alt, verwitwet, 158 cm, blond und schlank. / 60 лет, вдова, 158 см, блондинка и стройная*) (Здесь и далее перевод автора. — С. П.); б) описание партнера (*Suche treuen Partner zw. 65–70 J., f. alles Schöne im Leben aufgeschl. / Ищу верного партнера между 65 и 70, открытого для всего прекрасного в жизни*). К факультативным элементам относятся предыстория, указание собственного места жительства и места жительства предполагаемого партнера, описание представлений об отношениях партнеров, указание причины написания объявления, причины прочтения объявления и отклонения нежелательного партнера. Отметим, что данные элементы позволяют реципиенту без труда распознать определенный жанр.

Продуктивными для исследования жанровой гетерогенности представляются работы немецкого лингвиста У. Фикс [5, с. 60]. Автор соотносит понятия жанра текста (Textsorte), текстового образца (Textmuster) и конкретного текста (Textemplar). По мнению У. Фикс, термин «текстовый образец» (Textmuster) выражает качественный аспект объединения группы текстов в один жанр. Он представляет собой текстотип, прототип, содержащий общие для конкретного жанра пропозициональный, иллокутивный и структурно-стилистический элементы. Так, упомянутый выше текст брачного объявления разворачивается в определенной структуре с использованием типичных выражений с целью информирования (иллокутивный элемент) о себе

(тематически-пропозициональный элемент) в привлекательной для потенциального партнера форме. Следует подчеркнуть, что термин «текстовый образец» отражает в большей степени обыденные представления о текстах определенного жанра, позволяющие реципиентам распознавать их в общем потоке информации, а в исследуемом в данной работе случае жанровой гетерогенности заметить «чужеродные элементы».

Термин «жанр текста» (Textsorte) используется для выражения количественного аспекта исследуемого феномена, а именно для обозначения группы текстов, объединенных общим прототипом (текстовым образцом): «Unter einer Textsorte ist demnach eine Klasse von Texten zu verstehen, die einem gemeinsamen Textmuster folgen» [5, с. 71]. Таким образом, согласно данной теории, различные текстовые экземпляры (Textexemplar), содержащие общие прототипические элементы текстового образца (Textmuster), объединяются в определенный жанр (Textsorte).

Выше обозначенный подход зарубежных лингвистов коррелирует с пониманием жанра в отечественной лингвистике как «культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием» [3, с. 62]. Наличие внешнего (формального) и внутреннего (содержательного) плана жанра отмечает В. А. Салимовский. При этом жанровая форма теснейшим образом связана с жанровым содержанием — с тематикой произведений и с особенностями осмысления автором определенных сторон мира [7].

Важным аспектом в рамках данного исследования является изучение проблемы устойчивости и подвижности жанра. В этой связи используются также термины «смешение текстовых типов» [3] и «жанровая мистификация» [1]. Проблеме изменения и смешения текстовых жанров посвящены работы зарубежных лингвистов У. Фикс и Р. Опиловски [6, 8]. Наиболее распространенный подход к данной проблематике в литературоведении заключается в том, что жанры как литературные конструкции сохраняют свою устойчивость с течением времени, а изменения жанровых характеристик затрагивают лишь внутрижанровое пространство [9, с. 51–52]. Ю. В. Шаранова, описывая жанровую гетерогенность литературных произведений, отмечает качественное изменение текстового пространства, при котором нарушается основная линия повествования посредством внедрения в нее отрывков других жанров [10].

Анализ современных дискурсивных практик позволяет обнаружить значительные движения в системе жанров, их изменения и взаимопроникновение, создание гетерогенных текстов на уровне жанровых характеристик. Активное использование этого механизма обусловлено разными причинами. В контексте прагматического подхода жанровая гетерогенность является как средством привлечения внимания реципиента, так и позволяет завуалировать истинное намерение адресанта, как, например, в рекламном дискурсе — преодолеть негативное отношение реципиентов к рекламе.

Обобщая исследования отечественных и зарубежных лингвистов, а также результаты анализа фактического материала можно выделить такие механизмы реализации жанровой гетерогенности, как: монтаж текстовых типов, контаминация тексто-

вых типов, нарушение текстового типа. Проиллюстрируем данные виды некоторыми примерами на немецком и русском языках.

1. *Монтаж текстовых типов* (жанр А + жанр Б = жанр А + жанр Б) представляет собой использование в конкретном текстовом экземпляре различных текстотипов, объединенных общей интенцией. Примером этому может служить текст, размещенный на сайте правового просвещения детей и подростков, предупреждающий об опасности общения с незнакомыми людьми в социальных сетях.

Vorsicht, Gefahr im Chat! / Осторожно, опасность в чате!

Online-Umfrage bei der Blinden Kuh vom 03/2011: 160 von 200 chattenden Kindern berichten von sexuellen Belästigungen. / Онлайн-опрос «Слепой коровы» от 03/2011: 160 из 200 общающихся в чате гетей сообщают о случаях сексуального домогательства.

«Man wird oft blöde angemacht. Es fragen viele, ob man Cybersex will oder so. Das ist voll blöd. Und wenn man dann sagt, sie sollen aufhören, beschimpfen sie einen. Die Wörter will ich lieber nicht nennen» (M., 13 Jahre) / Часто тупо пристаю. Спрашивают многие, хочешь киберсекса или типа того. Это вообще тупо. И если говоришь, чтобы прекратили, оскорбляют. Слова лучше не буду называть (M., 13 лет).

Первая часть представляет собой текст социальной рекламы, а именно призыв быть осторожным в чате: *Осторожно, опасность в чате!* Вторая часть содержит результат опроса в режиме онлайн, проведенного в марте 2011 года просветительской организацией *Blinde Kuh* среди немецких подростков: 160 из 200 опрошенных сталкивались в чате с сексуальными домогательствами. Для усиления прагматического потенциала послания представлен отрывок интервью с тринадцатилетней девочкой по имени М., чья история иллюстрирует ситуацию. Таким образом, в данном текстовом экземпляре в целом сохраняются все компоненты использованных текстовых типов:

- пропозициональный (тема опасности в чате),
- иллокутивный: (а) предостережение, (б) информирование о результатах опроса и «реальной истории»;
- структурно-стилистические: (а) краткость, использование для привлечения внимания восклицательного знака и лексических единиц *Vorsicht / Осторожно, Gefahr / опасность*, (б) использование с целью персонификации «реального персонажа» имени собственного, указания на возраст, личного местоимения 1-го лица единственного числа.

Усиление прагматического потенциала послания социально значимого содержания становится возможным за счет использования как средств дополнительной аргументации одновременно нескольких текстотипов — «реальной истории» и статистических данных.

2. *Контаминация текстотипов* (жанр А + жанр Б = жанр АБ). Контаминация (от лат. *contaminatio* — соприкосновение, смешение) представляет собой текстовое произведение, которое по своей иллокутивной, пропозициональной и формальной организации может быть отнесено одновременно к нескольким текстотипам [3, с. 111]. Особенно активно данный вид используется в рекламном дискурсе, когда адресату предлагаются с целью продвижения продукта сказка, брачное объявление, баллада, рецепт и т.д. Так, например, Б. Зандиг

анализирует возможности смещения рекламного текста и энциклопедической статьи [11]. Р. В. Рада иллюстрирует данный вид на примере смещения рекламного объявления со схемой движения поездов метро [5]. В работах У. Фикс в данном ракурсе рассматриваются рецепт и молитва [6].

Следующий пример иллюстрирует смещение текста социальной рекламы и гороскопа.

Waage 21. September — 20. Oktober

Noch ein Tipp von den Sternen: sei etwas aufmerksamer in den ersten Wochen des Urlaubs... du wirst sonst sicher was verlieren. Ausweis, Kamera oder einen Teil des Abends. Dem Letzteren kannst du vorbeugen, indem du nicht um jeden Preis den „Sauwettbewerb“ gewinnst.

Весы, 21 сентября — 20 октября

Еще один совет от звезд: будь внимательнее в первые недели отпуска, иначе наверняка что-нибудь потеряешь. Угостоверение, камеру или часть вечера. Ты сможешь предотвратить это, если не выиграешь, во что бы то ни стало, соревнование «кто больше выпьет».

Текстовый экземпляр содержит такие типичные структурно-стилистические характеристики гороскопа как: название знака зодиака, временной диапазон, упоминание звезд, а также совет как иллокутивный компонент данного текстотипа. Пропозициональный компонент данного текстового экземпляра соответствует социальной рекламе, кроме того, призыв ограничить употребление спиртного дополняет иллокутивную составляющую текста. Интенцию автора поддерживает и экстралингвистический компонент — размещение текста на сайте медицинского просвещения. Общим элементом двух текстотипов — гороскопа и социальной рекламы — является наличие рекомендаций и ожидание посткоммуникативных действий адресата.

В следующем примере текст социально значимого содержания предстает в формальной структуре любовной записки: *Adieu. Für immer. Deine Zigarette. / Прощай. Навсегда. Твоя сигарета.* Использование шрифта, имитирующего рукописный, а также типичных (соответствующих стереотипным представлениям) выражений в форме парцелляций создают у реципиента ощущение встречи со знакомым текстотипом. Эффект обманутого ожидания возникает у него в момент прочтения последней строки (*Deine Zigarette. / Твоя сигарета.*). Именно в этот момент на первый план выходит истинная интенция текста — призвать адресата бросить курить. Авторы данного послания рассчитывают на перлокутивный эффект, используя формальные и стилистические особенности одного текстотипа (любовного признания) и наполняя структуру иным содержанием (проблема курения).

Иллокутивный компонент следующего текстового экземпляра заключается также в выражении негативного отношения человека к курению, но для этого используется оболочка другого текстотипа, а именно брачного объявления:

JULIA: Alter — 19, Augen — dunkelblau, Grösse — 180 cm, Sternzeichen — Löwe, Eigenschaften — liebenswert, Nichtraucherin,

SUCHT EINEN MANN: Alter — egal, Augen — egal, Grösse — egal, Sternzeichen — egal, Eigenschaften — Nichtraucher. /

ЮЛИЯ: возраст — 19, глаза — синие, рост — 180 см, знак зодиака — лев, качества — достойная любви, не курит.

ИЩЕТ МУЖЧИНУ: возраст — не важно, глаза —

не важно, рост — не важно, знак зодиака — не важно, качества — не курит.

Анализируемый текстовый экземпляр сохраняет такие облигаторные структурно-стилистические характеристики брачного объявления, как: описание себя и описание желаемого партнера (указание имени, возраста, роста, знака зодиака, черт характера). Данные элементы и типичны для данного текстотипа последовательность их предъявления (субъект (кто?) ищет объект (кого?)) позволяют реципиенту распознать жанр брачного объявления и являются основой формирования определенных ожиданий в процессе прочтения первой части послания *JULIA ...sucht einen MANN.* Неожиданным для читателя является содержание второй части объявления, а именно описание потенциального партнера, где при сохранении структуры первой части и повторении лексемы «egal» отрицается значимость возраста, цвета глаз, роста партнера и на этом фоне подчеркивается важность отсутствия у него вредных для здоровья привычек.

3. Нарушение текстотипа (жанр А → жанр А*) встречается в таком текстовом экземпляре, который представляет собой, с одной стороны, один текстотип, а с другой — обнаруживает элементы, не характерные для него, как, впрочем, и для другого текстотипа. Р. Рада иллюстрирует это явление следующим примером.

Bei Risiken und Nebenwirkungen fressen Sie die Packungsbeilage und schlagen Sie Ihren Arzt oder Apotheker. / В случае осложнений и возникновения побочных эффектов съешьте инструкцию и побейте Вашего врача или аптекаря [5].

Текстовый экземпляр содержит типичные признаки вкладыша-инструкции по применению лекарственных препаратов. Нарушают общий стиль текста отдельные стилистически-формальные элементы. Вместо глагола *lesen* (прочитайте) автором использован *fressen*, имеющий в словаре помету *груб.* и обозначающий «жрать, лопать». Подобное замещение присутствует и в паре *fragen — schlagen* (спросите — побейте). Привнесенные в текст новые элементы не являются признаком другого текстотипа, но выражают иной стиль.

Суммируя рассуждения о видах жанровой гетерогенности (контаминация текстотипов, монтаж текстовых типов, нарушение текстового типа) и особенностях взаимопроникновения различных жанров (на уровнях тематического содержания, иллокутивной, стилистической и структурной составляющей), следует отметить прагматический потенциал исследуемого феномена, определяющий интерес для теории и практики создания персуазивных посланий. Использование новых, неожиданных для традиционного восприятия текстов позволяет их авторам более эффективно воздействовать на сознание адресата и определять его посткоммуникативное поведение.

Библиографический список

1. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. — М. : Флинта Наука, 2009. — 224 с.
2. Стернин, И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, ВГУ, 2008. — 354 с.
3. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.

4. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — М.: Знак, 2010. — 600 с.
5. Rada, R.V. Intertextualität in Sachtexten. / A.Bartoszewicz, I.Dalmas, M.Szczek, J.Tworek (Hrsg.): Germanistische Linguistik extra muros - Aufgaben. Wrocław-Dresden: Neisse Verlag, 2009. — 223 S.
6. Fix, U. Texte und Textsorten - sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. / Fix U. - Berlin: Frank & Timme, 2008. — 506 S.
7. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 28 с.
8. Opilovski, R. Intertextualität in der Printwerbung. // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes, 54. Jahrgang, Heft 4/2007. - 458-485 S.
9. Шарифова, С. Ш. Соотношение жанрового смешения со «смещением» жанра, «диапазоном» жанра и его переходными формами / С. Ш. Шарифова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова: Сер. «Филологические науки». — 2010. — № 3. — С. 51–57.

10. Шарапова, Ю. В. Гетерогенность включающего текста и включенной несобственно-прямой речи как способ создания полифонии. Жанровая и адресатная гетерогенность / Ю. В. Шарапова // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже веков : межвуз. сб. науч.-метод. ст. Вып. 2. — Псков: Изд-во Псковск. ун-та, 2002. — С. 154–161.

11. Sandig, B. Textstilistik des Deutschen. 2., völlig neu bearb. und erw. Aufl. / B. Sandig. - Berlin; New York: de Gruyter, 2006. — 584 S.

ПОЛУЙКОВА Светлана Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации.

Адрес для переписки: e-mail: s_poluikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2012 г.

© С. Ю. Полуйкова

УДК 811.111 : 796.966

Н. В. МАРТЫНОВИЧ

Омский государственный
технический университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ХОККЕЯ С ШАЙБОЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Терминология всегда играла ведущую роль в процессе научного познания. Ни одна отрасль науки не может успешно развиваться без терминологии, отражающей её состояние и развитие. Особенно велика значимость терминологии в XX–XXI вв., когда наблюдается тенденция к глобализации. В 2014 г. Россия принимает зимние Олимпийские игры, что обуславливает потребность всестороннего комплексного исследования терминологии тех видов спорта, которые будут представлены на играх, в частности терминологии хоккея с шайбой.

Ключевые слова: терминология, хоккей с шайбой, периодизация, терминологическая единица, анализ, выборка.

Источники о возникновении хоккея с шайбой весьма разноречивы. Однако большинство авторов склонны утверждать, что прообразом хоккея с шайбой явились различные виды хоккея на траве в Древней Греции. Об этом свидетельствует изображение хоккеистов на барельефе стены Фемистокла. Предполагают, что название «хоккей» («hockey») произошло от старинного французского слова «*hoquet*» — пастуший посох с крюком. Впервые описание игры в хоккей на траве приводится в итальянской рукописи 1330 г. [1, с. 15]

А в 1363 г. издается декларация, сохранившаяся до наших дней. В ней английский король Эдвард III запрещает такие игры, как гандбол, футбол и хоккей, т. к. считает, что эти виды спорта не приносят никакой пользы. Неоспоримо, что значение сло-

ва «hockey» также связано с английским словом «hook» (крюк), ведь палки, которыми в те времена играли в хоккей и которые являлись прообразом современных клюшек, уже были на конце загнуты и напоминали крюк по своей форме. В 1527 г. в ирландском городе Гэлуэй вышел устав, в котором упоминалось слово *hookie stick* применительно к местному хоккею на траве, именуемому ирландцами «*hurling*»: «At no time to use ne occupy ye **hurling** of ye litill balle with the **hookie sticks** or staves, nor use no hand balle to play without the walls, but only the great foot balle» [2].

В конце XVII и в XVIII столетии интерес к хоккею значительно снизился из-за длительных войн, охвативших всю Европу. И только во второй половине XIX века он снова становится популярным. Тем не

менее до наших дней дошло письмо Уильяма Пьера Ле Кока, написанное в 1799 г., в Англии в графстве Бакингемшир, в котором он говорит о хоккее следующее: «Сейчас я должен описать игру в хоккей, в которую мы играем загнутыми на конце палками (**sticks turning up at the end**). В игре мы используем пробку (**bung**). В игре принимают участие 2 команды, которые наносят удары палками по пробке в сторону друг друга. Если одной из команд удастся докинуть пробку до конца церковного двора, та команда побеждает» [3]. Не трудно в описании Ле Кока узнать прообраз современного хоккея.

Примечательно, что в Англии наибольшее распространение получил хоккей «бенди» («bandy» — хоккей с мячом). И хотя родиной современного хоккея с шайбой считают Канаду, исторические документы подтверждают, что его истинными родоначальниками оказались англичане.

Соотнося социолингвистические факты с лингвистическими, удалось установить, что точкой отсчета формирования английской терминологии хоккея с шайбой нужно считать **1860 год** [1, с. 16]. Именно в этом году в канадскую провинцию Галифакс был направлен английский пехотный полк, в котором находились игроки в хоккей «бенди». По воскресным дням и праздникам английские солдаты устраивали хоккейные матчи. Местное население с любопытством и интересом смотрело на эти состязания, и вскоре незнакомая игра так полюбилась канадцам, что хоккей с шайбой стал в Канаде спортом № 1. Не удивительно, что многие видные спортивные издательства (например, «Sports Illustrated») называют эту страну «**puckhead paradise**», что можно перевести как «**рай хоккейных болельщиков**».

Популярность хоккея с шайбой в Канаде росла так быстро, что уже в 1870-е гг. данный вид спорта являлся обязательной игрой для всех спортивных праздников. Играли клюшками, но использовали в игре не шайбу, а ее всевозможные прототипы, в частности, тяжелый мяч, а по численности команды доходили до 50 и более игроков с каждой стороны. Слово «хоккейная клюшка» («hockey stick») пришло в терминологию хоккея с шайбой из других, родственных ему видов спорта, где использовались так называемые «загнутые на конце палки» (**curved sticks**), в частности, как уже упоминалось выше, из всевозможных разновидностей хоккея на траве и хоккея с мячом (бенди). Согласно Оксфордскому этимологическому словарю [4] впервые значение «**клюшка**» ("staff used in a game") за словом **stick** закрепилось в 1670 г. В хоккей с шайбой данный термин пришёл в первой половине XIX в. Первая клюшка была сделана из дерева и имела плоский криск (**flat blade**).

Большую роль в распространении игры сыграли студенты университетов. Первые хоккейные правила были сформулированы студентами университета Мак-Гилла (Крейтон, Генри Джозеф, Ричард Смит, Робертсон, Мюррей) в Монреале в 1877 г. [5] Классические хоккейные ворота в то время не были еще изобретены, их роль выполняли две стойки, отмечающие пространство, в которое должна была попасть шайба при ударе по воротам. Сетку на воротах также еще не вешали, поэтому очень сложно было определить взятие ворот, ведь шайба проносится с очень большой скоростью и не всегда и не всем видно, попала ли она в створ ворот. Число игроков было сокращено до 9 в каждой команде, однако замены по ходу игры не проводились. На смену же тяжелому мячу пришел закругленный отшлифованный деревянный

диск, который, порой, походил, на оторванный от башмака каблук. Отсюда появилось сленговое обозначение шайбы «**bootheel**», и сейчас используемое в разговорном английском [6]. Что касается правил игры, то они были таковы, что не требовали от спортсменов большой скорости в передвижениях, без чего нельзя представить себе современный хоккей. Так, например, передачи шайбы вперед, на свободное пространство были запрещены, и нападающий должен был обыгрывать поочередно тех защитников, которые последовательно располагались на его пути.

3 марта 1875 г. в Монреале на открытом катке «Виктория» состоялся первый официальный матч, положивший начало истории хоккейных соревнований. Информация об этой первой, официально проведенной игре была зафиксирована в монреальской газете «Montreal Gazette» [1, с. 17].

В **1879 г.** впервые в игре использовали традиционную резиновую шайбу. Именно в это время, согласно Остинской хоккейной ассоциации (Austin Hockey Association) появляется хоккейный термин **puck**, имеющий значение «**hockey disk**» (в пер. с англ. «хоккейный диск»), окончательно закрепившийся в 1891. Этимологический анализ этого термина показал, что его происхождение связано с англ. глаголом **to puck** («to hit, strike», т.е. «бить, ударять»), который в свою очередь связан с глаголом **to poke** в значении «push» (от ирл. **poc** — «толкать»). Примечательно, что глагол **to puck** в выше перечисленных значениях также использовался в ирландском варианте хоккея на траве (hurling) [4]. Этот факт позволяет предположить, что термин «шайба» (**puck**) появился в Канаде благодаря жителям Галифакса, многие из которых будучи выходцами из Ирландии, могли играть в **hurling** и использовать слово **puck** в своей речи. Позже **puck** перешло в терминологию хоккея с шайбой, где окончательно и закрепилось.

За короткий срок хоккей с шайбой стал настолько популярен, что в 1883 г. был представлен на ежегодном монреальском Зимнем карнавале. А в 1885 г. в Монреале была основана Любительская хоккейная ассоциация.

Таким образом, временные рамки **первого периода** становления и развития английской терминологии хоккея с шайбой можно обозначить как **1860–1885 гг.** Именно в это время происходит зарождение хоккея с шайбой как профессионального вида спорта и его популяризация среди населения Канады. Что касается хоккейных терминов первого периода, то они не очень многочисленны. Связано это, в первую очередь с тем, что игра канадских поселенцев конца XIX века отличается от современного хоккея с шайбой, а потому значительная часть хоккейной терминологии этого периода представлена, в основном, **заимствованиями** из привезенного англичанами в Галифакс, **бенди**. Например, **pass** — передача, **forward** — нападающий, **defense** — защита, **goal** — гол, ворота, **goal posts** — штанги ворот, **scoring** — счет, **to shoot** — наносить удар по воротам, **team** — команда, **winger** — крайний нападающий и другие (всего 42 терминологические единицы, что составляет **8,2%** от общей выборки в **507 терминологических единиц**). Другая значительная часть хоккейных терминов первого периода пришла из **общеспортивной лексики** и **других видов спорта** (в частности, из бейсбола, футбола), а именно: **speed** — скорость, **drawn** — закончившийся, вничью, **tactics** — тактика, **rival** — противник, **crowd** — зрители, публика, **to win** — выигрывать, **to**

lose — проигрывать, **to compete** — соревноваться, соперничать, **equipment** — экипировка, **roster** — состав команды и другие (всего 30 терминологических единиц, что составляет 5,9% от общей выборки). В первом периоде также можно выделить группу терминов, пришедших из **общеупотребительного английского языка** посредством **ассоциативных заимствований**, а также за счет **переосмысления общелитературной лексики**, например: **zone** — игровая зона, **to check** — останавливать, блокировать (шайбу, игрока), блокировка, **to dominate** — доминировать в игре, **to clear** — отразить бросок, **to catch** — ловить шайбу, **retreat** — отход к своим воротам, **receiving** — прием шайбы, **counter-attack** — контратака, **finishing** — завершение атаки, — построение, расстановка, **to miss** — пропускать, упускать и другие (всего 35 терминологических единиц, что составляет 6,9% от общей выборки).

Важно отметить, что хоккейная терминология первого периода начала активно пополняться за счет появления **новых терминов**, чаще всего образованных **синтаксическим способом** из уже существующих простых терминологических единиц. Например, сюда относятся терминологические сочетания и фразовые термины, обозначающие зоны игрового поля, виды бросков, командные действия: **offensive zone** — зона нападения, **defensive zone** — зона защиты, **accurate pass** — точный пас, **inaccurate pass** — неточный пас, **goal clearance** — отражение удара, **puck control** — контроль над шайбой, **right winger** — правый крайний нападающий, **left winger** — левый крайний нападающий, **left defence** — левый защитник, **right defence** — правый защитник и другие (19 терминологических единиц, что составляет 3,5% от общей выборки).

Таким образом, анализ выборки, насчитывающей **507 терминологических единиц**, показал, что к первому периоду можно отнести **127 терминов**, что составляет **25%** от общей выборки. Основным источником пополнения словарного состава этого периода было заимствование из хоккея с мячом (бенди) и общеспортивной терминологии, однако именно из этих заимствований начали образовываться новые лексические единицы, впоследствии ставшие чисто хоккейными терминами.

Что касается структурного анализа терминологических единиц первого периода, то из них 90 терминов простых (30 из которых образовано аффиксальным способом), 5 — производных и 32 терминологических сочетания. Все термины этого периода сохранились до сих пор.

В конце XIX века начинается второй этап в развитии хоккея с шайбой, связанный с рядом знаменательных в истории данного вида спорта событий. В **1886 г.** правила игры были усовершенствованы, упорядочены и напечатаны. Автором этого первого официально изданного кодекса правил игры в хоккей с шайбой стал Ф. Смит [7, с. 25]. Примечательно, что свод правил, составленных Смитом, максимально сохранился и до наших дней. Согласно им, количество полевых игроков уменьшилось с девяти до семи; изменились условия по нахождению количества игроков во время игры на поле: на льду могли находиться вратарь, передний и задний защитники, центральный и два крайних нападающих, а площадка впереди ворот была ареной для действий сильнейшего хоккеиста — **ровера** (англ. *rover* — **бродяга** от сев. английского и шотл. диалектизма **to rave** — **to wander, stray** (бродить, странствовать) — сильнейший хоккеист, лучше всех забрасывающий шайбы

[8, с. 1218]. Однако замены по ходу игры всё ещё были запрещены, поэтому весь матч команды проводили в одном составе. Исключения по замене игроков делались только для получивших травму и при обязательном согласии соперников, поэтому к концу игры спортсмены буквально ползали по льду от усталости.

В 1890 г. создается хоккейная ассоциация Канады, объединившая клубы, культивирующие хоккей с шайбой. Уже к **1900** году этих клубов насчитывалось свыше 60 [7, с. 27].

В 1893 г. генерал-губернатор Канады лорд Фредерик Артур Стэнли приобрел за 10 гиней кубок, похожий на перевернутую пирамиду из серебристых колец, — для вручения чемпиону страны. Так появился легендарный трофей — Кубок Стэнли (**Stanley Cup**). Сначала за него боролись любители, а с 1910 г. — и профессионалы [9].

В 1899 г. в Монреале был построен первый в мировой практике крытый стадион с искусственным льдом (**indoor artificial ice rink**), вмещающий 10 000 зрителей. С дальнейшим развитием техники холодильных установок закрытые катки стали строить повсюду, в том числе в странах с теплым климатом. Самая старая хоккейная крытая арена с искусственным льдом, построенная в 1910 г. действует до сих пор и называется **Boston's Matthews Arena**. В этом же году была основана **Канадская любительская хоккейная лига**.

В 1900 г. на воротах появилась сетка (**goal net**). Благодаря этой новинке прекратились споры о том, забит гол или нет. Металлический свисток судьи, от холода прилипавший к губам, заменили колокольчиком, а вскоре и пластмассовым свистком. В этом же году знаменитым канадским хоккейным деятелем Фредом Уогхорном было введено вбрасывание шайбы, с которого начинается любой хоккейный матч (как и возобновление игры после остановки). Раньше судья руками придвигал клюшки соперников к лежащей на льду шайбе и, дав свисток, отъезжал в сторону, чтобы не получить удар клюшкой. Тогда же был закреплен официальный термин, обозначающий данное понятие, **face-off** («the start of play, when two players try to get control of the puck dropped by the referee») [8, с. 487].

В 1904 г. была организована первая профессиональная команда по игре в хоккей. Спустя четыре сезона игр данной команды произошло окончательное разделение на профессионалов и любителей (**professionals** and **amateurs**). В этом же году хоккеисты перешли к новой системе игры — «шесть на шесть» (**six-a-side system**). Был установлен стандартный размер площадки — 56 × 26 м, мало изменившийся с тех пор [10, с. 128].

В начале XX века канадским хоккеем заинтересовались европейцы. Конгресс в Париже в **1908** году основал **Международную федерацию хоккея на льду** (ИИХФ), объединившую первоначально четыре страны — Бельгию, Францию, Великобританию и Швейцарию. В 1914 г. возникла **Канадская хоккейная ассоциация** (КАХА), а в 1920 г. она стала членом **Международной федерации**.

Для повышения зрелищности и скорости игры в 1910 г. разрешили замену спортсменов (англ. **substitute** — менять, заменять). В этом же году в Монреале возникла **Национальная хоккейная ассоциация**, которая продолжала совершенствовать правила. Так, например, хоккейный матч начал проводиться в 3 периода по 20 минут каждый. Этой же ассоциацией была введена система боль-

ших и малых штрафов (*major and minor penalties*) [10, с. 134].

В 1917 г. появляется знаменитая **Национальная хоккейная лига (НХЛ)** в составе пяти канадских профессиональных клубов.

Немало новшеств принадлежит хоккеистам братьям Пэтрик Джеймсу, Крейгу и Лестеру. По их инициативе игрокам присвоили номера, очки стали начислять не только за голы, но и за результативные передачи (система «гол плюс пас» — **goal and assist system**), хоккеистам разрешили передавать шайбу вперед, а вратарям — отрывать коньки ото льда [7, с. 43].

В 1920 г. хоккей с шайбой был включен в программу летних Олимпийских игр, которые проводились в Антверпене. Первым олимпийским чемпионом стала команда Канады. С 1924 года хоккей с шайбой постоянно входит в программу зимних Олимпийских игр. Начиная с этого года регулярно проводится первенство мира.

Второй период является основным и самым продуктивным периодом формирования профессиональной терминологии хоккея с шайбой, которая на фоне перечисленных выше знаменательных событий и новшеств активно пополнялась новыми терминами, обозначающими все эти новые понятия и явления. На протяжении всех этих десятилетий хоккей с шайбой развивался высокими темпами. Рост технического и тактического мастерства игроков, совершенствование спортивного инвентаря, а также спортивная целесообразность оказывали решающее влияние на изменение правил игры. В то же время изменение правил игры непосредственно влияло на изменение техники и особенно тактики игры [1, с. 18–19]. Все это не могло не отразиться на терминологии данного вида спорта.

По своей **семантической классификации термины**, возникающие во втором периоде, составляют группы, обозначающие, например:

1. **новые возникшие хоккейные ассоциации и лиги** (**Hockey Association of Canada, National Hockey League, International Ice Hockey Federation**);

2. **награды** (**Stanley Cup, Allan Cup**);

3. **экипировку**, которая стала надежнее, появились новые средства защиты от травм, а поскольку хоккей с шайбой игра силовая и ее отличительными чертами являются **full contact** и **body check** (силовой контакт и силовые приемы), то усложнение экипировки стало естественным явлением (**helmet** — шлем, **shoulder pads** — щитки для защиты плеча, **protective glove** — краги, **shin pads** — щитки на голень, **blocker** — вратарский «блин» и др.);

4. **разметку хоккейной площадки** в соответствии с новыми стандартами и правилами (**marking on the ice** — разметка льда, **faceoff spot** — точка вбрасывания, **blue lines** — голубые линии, разделяющие площадку на центральную зону и зоны нападения и защиты, **side-line** — боковая линия и др.);

5. **расположение игроков на поле** (**line** — звено, **line change** — смена звеньев, **forward line** — линия нападения, **defensive pairings** — пары защитников, **starting alignment** — стартовая расстановка и др.);

6. **система наказаний за нарушения правил** (**foul** — нарушение, фол, **interference** — атака игрока, не владеющего шайбой, **elbow charge** — удар локтем, **foul play** — «грязная игра», **bad sportsmanship** — неспортивное поведение и др.);

7. **арбитры и их действия** (**linesman** — линейный арбитр, **outsides of the goal** — арбитры, располагающиеся за воротами и фиксирующие их взятие, to

restart — возобновить игру, **faceoff** — вбрасывание, **stoppage of play** — остановка игры и др.);

8. **новый регламент продолжительности матча, его деление на 3 периода** (**half** — период, **break** — перерыв, **overtime** — дополнительная пятиминутка, если основное время закончилось в ничью и др.);

9. **современное оснащение стадиона** (**covered arena** — крытый стадион, **the boards** — заградительные борта, **the glass** — заградительное стекло, **the protective netting above the glass** — защитная сетка, **sin bin** — скамейка штрафников и др.);

10. **совершенствование тактики, усложнение рисунка игры за счет появления новых разновидностей ударов, обводок, передач** (**feint** — финт, обманное движение, **dribble** — ведение, обводка, **assist** — голевая передача, **interpassing** — перепасовка, **trial pass** — передача назад, **lateral tackling** — отбор перехватом, **flip shot** — короткий перебрасывающий бросок движением только рук и др.);

11. **выделение разных видов катания** (**free skating** — свободное, вольное катание, **agility skating** — катание с ускорениями, **push-glide skating** — бег скользящими шагами, **stop-and-go skating** — бег короткими шагами и др.);

12. **манера игры** (**build-up play** — конструктивная игра, **combination play** — комбинационная игра, **end-to-end play** — игра на взаимных атаках, **fast passing game** — скоростная игра в пас и др.)

Важно отметить, что хоккей с шайбой второго периода резко отличается от того хоккея, который болельщики наблюдали в конце XIX в., что целиком и полностью отражается в хоккейной терминологии. Так, например, до 1930 г. передачи можно было отдавать только назад, что делало игру менее зрелищной, а действия игроков ограниченными, успеха можно было добиться при такой манере игры только за счет индивидуального мастерства владения клюшкой [10, с. 200]. Снятие данного ограничения превратило хоккей в по-настоящему командный спорт, где успеха можно добиться за счет мастерских передач, переходов и взаимодействий между партнерами.

Анализ выборки показал, что количество появившихся в этот период английских терминов хоккея с шайбой составляет 75% от общей выборки (**380 терминологических единиц**). Что касается, структуры терминов второго периода, то простых терминов 134 (из них 45 образованных аффиксальным способом), 31 производный и 215 терминологических сочетаний.

Примечательно, что рамки второго периода нельзя строго разграничить, потому что правила игры в хоккей с шайбой на протяжении XX века не претерпевали каких-то существенных изменений, а потому терминологический состав данного вида спорта, быстро сформировавшись в конце XIX — начале XX века, продолжает пополняться до сих пор за счет совершенствования техники игры в хоккей, за счет появления новых тактических приемов, за счет появления новых современных материалов, из которых изготавливают инвентарь, за счет изобретений НТП, например, компьютеров, которые позволяют арбитрам осуществлять видео просмотр спорных игровых моментов. Проведенное, в рамках данной статьи, исследование позволяет сделать вывод о том, что за не столь продолжительное время существования современного хоккея с шайбой его терминология сформировалась в обширную терминологическую систему, которая продолжает развиваться и пополняться. Актуальность проведенного исследования определяется его теоретическим и прак-

тическим значением в области терминоведения. Полученные в результате социолингвистического исследования английской терминологии хоккея с шайбой данные вносят вклад в дальнейшее развитие терминоведения и терминографии, а также в процесс исследования и систематизации научных знаний в теории данного вида спорта. Их практическая ценность состоит в возможности использования полученных результатов в практике перевода, а также в преподавании английского языка студентам, обучающимся по специальности «хоккей».

Библиографический список

1. Савин, В. П. Теория и методика хоккея : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. П. Савин. — М. : Академия, 2003. — 400 с.
2. Seamus, J. King A History of Hurling / J. King Seamus. — Dublin: Gill and Macmillan, 1996. — 355 p.
3. Giden, Carl Stick and Ball Game Timeline / Carl Giden, Patrick Houda. — Society for International Hockey Research, 2010. — p.4
4. Harper, Douglas Online Etymology Dictionary / Douglas Harper. — Oxford: Oxford University Press, 2001.

5. Zukerman, Earl McGill's contribution to the origins of ice hockey / Earl Zukerman. — McGill Athletics, March 17, 2006.

6. Звонков, В. Л. Англо-русский энциклопедический словарь хоккейной терминологии / В. Л. Звонков. — М. : Р-Валент, 2009. — 304 с.

7. Dryden, Ken The Game / Ken Dryden — Toronto: Macmillan Canada, 1999. — 395 p.

8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners of American English — Oxford: "Macmillan Publishers Limited", 2002. — 1657 p.

9. Podnieks, Andrew Hockey Hall of Fame / Andrew Podnieks — Triumph Books, 2004. — 240 p.

10. Muller, Stephan International Ice Hockey Encyclopedia 1904-2005 / Stephan Muller — Norderstedt: Books On Demand, 2005. — 496 p.

МАРТЫНОВИЧ Наталья Викторовна, специалист по учебно-методической работе отдела международных и общественных связей.
Адрес для переписки: e-mail: blossom_land@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2012 г.

© Н. В. Мартынович

УДК 821.111 (410)

Н. В. СТАУРСКАЯ

Омский государственный
аграрный университет
им. П. А. Столыпина

СТЕРЕОТИПЫ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ (БРИТАНСКОЙ) ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА, СВЯЗАННЫЕ С ГОЛУБЫМ ЦВЕТОМ ГЛАЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. С. МОЭМА, О. ХАКСЛИ И И. ВО)

В статье предпринимается попытка изучения стереотипов носителей английской (британской) языковой картины мира первой половины XX века о голубом цвете глаз. Проведены количественная обработка, семантический и аксиологический анализ лексического материала извлеченного из фрагментов произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во, содержащих описание глаз персонажей. Выявлены стереотипы, связанные в английской лингвокультуре первой половины XX века с голубым цветом глаз.

Ключевые слова: английская языковая картина мира, стереотип, литературный портрет, аксиологические коннотации.

Описание глаз является неотъемлемой частью портретного описания персонажа художественного произведения. Описание физических свойств глаз, их выражения, взгляда встречается в контексте портретного описания достаточно часто. Глаза могут выступать в качестве репрезентанта личности персонажа. Повышенное внимание к этой детали портретного описа-

ния детерминировано представлением, существующим в английской наивной картине мира, согласно которому взгляд передает внутренний мир личности. Это представление может быть отнесено к стереотипам, т.к. является устойчивым и имеет фразеологическую форму выражения — пословицу «*Eyes are the windows of the soul*» (глаза — зеркало души) [1, с. 97].

Анализ наиболее частотной лексики, использованной для описания глаз персонажей произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во, показал, что одно из них встречается одинаково часто у всех трех авторов — прилагательное **blue**. В творчестве И. Во данная лексема является самой часто используемой для описания глаз (23 упоминания), у У. С. Моэма — второй по частотности (51 упоминание), у О. Хаксли — третье (33 упоминания). Большое количество ее употребления объяснимо тем, что авторы используют ее, обращаясь к описанию глаз в различных контекстах. Например, повторяя эту деталь после упоминания ее при первом представлении персонажа. Ниже приведен пример того, как У. С. Моэм акцентирует внимание на цвете глаз доктора Тирелла — одного из героев романа «Бремя страстей человеческих»:

— Dr. Tyrell was a tall, thin man of thirty-five, with a very small head, red hair cut short, and prominent **blue eyes** [2, с. 802];

— He looked at him with his (Dr. Tyrell's) bright **blue eyes** [2, с. 845].

В рамках данной статьи предпринимается попытка изучить стереотипы существовавшие в английской языковой картине мира первой половины XX века, связанные с голубым цветом глаз. Рассмотрим семантическое значение прилагательного **blue**. Дефиниционный анализ данной лексемы проводился на основе словарных статей Oxford Advanced Learner's Dictionary и позволил выделить помимо ее инварианта (собственно, синий цвет), ряд добавочных значений, среди которых ясность (напр., **blue sky**), меланхолия (напр., **feeling blue**), злость (напр., **blue in the face**) [3, с. 156].

Первые два из указанных значений могут быть посредством метафоры перенесены на описание глаз и взгляда, поскольку имеют общее основание, — состояние сознания и настроение. Несмотря на то, что злость также является эмоциональным состоянием, экспликация данного значения посредством прилагательного **blue** происходит исключительно в комбинации с существительным **face**, что было установлено путем изучения корпуса данного прилагательного [4]. Таким образом, диапазон сочетаемости прилагательного **blue** для выражения значения гневного состояния ограничивается одним словосочетанием. На следующем этапе был проведен анализ фразеологизмов, идиоматических выражений и фразовых глаголов, имеющих в своем составе лексемы **blue** и **eyes**. Так, прилагательное **blue**, применительно к описанию цвета глаз, ассоциируется с доверием. В общем виде выражение **blue-eyed** имеет значение «любимчик». Эта коннотация эксплицирована в устойчивом фразеологическом выражении **blue-eyed boy**, обозначающем начинающего сотрудника, находящегося на хорошем счету у начальства [3, с. 156].

Контекстуальный анализ особенностей употребления прилагательного **blue** в литературном портрете персонажей в произведениях У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во позволил выявить особенности коннотативно-оценочного компонента значения данной лексемы. Положительный оценочный компонент был выявлен как часть семантического значения в 72% случаев использования данной лексемы в творчестве У. С. Моэма, 65% — О. Хаксли и 55% — И. Во. Это подтверждается анализом лексической сочетаемости прилагательного **blue** с другими лексическими единицами в словосочетаниях, описывающих глаза. Например: **pleasant blue eyes** [2, с. 531], **friendly blue eyes** [2, с. 728; 5, с. 84], **clear**

blue eyes [6, с. 6], **fine blue eyes** [7, с. 114; 8, с. 57; 9, с. 65], **gentle blue eyes** [5, с. 142], **shining blue eyes** [10, с. 57; 11, с. 159; 6, с. 41, 7, с. 6; 12, с. 44; 9, с. 135; 5, с. 286], **lustrous blue eyes** [13, с. 21], **kind blue eyes** [14, с. 135; 2, с. 1236], **smiling blue eyes** [2, с. 754], **frank blue eyes** [2, с. 1161], **merry blue eyes** [6, с. 116], **bright blue eyes** [12, с. 39; 9, с. 87, с. 149; 5, с. 177, 286; 7, с. 25; 6, с. 105].

Анализ объектов описания, дифференцированных по социальному, возрастному и гендерному признаку позволил выявить некоторые особенности употребления словосочетания **blue eyes**. В творчестве У. С. Моэма, О. Хаксли, И. Во большие голубые глаза чаще встречаются в описании молодых женщин:

— Once a young woman brought her sister to be examined, **a girl of eighteen**, with delicate features and large **blue eyes**, fair hair that sparkled with gold when a ray of autumn sunshine touched it for a moment, and a skin of amazing beauty [2, с. 811].

— The same thing is being demonstrated, no less actively, no less vocally, by those mulatto girls, by Flossie, the plump and honey-colored Teuton, by that enormous Armenian matron, by the little tow-headed **adolescent** with the big **blue eyes** ... [15, с. 81].

Из примеров видно, что художественному описанию молодых девушек в творчестве У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во свойственны такие признаки, как голубой (синий) цвет, большой размер глаз. В 33% случаев описания голубоглазых девушек в рамках литературной портретизации в произведениях анализируемых авторов, таким героиням также приписывается светлый цвет волос. Комплекс перечисленных характеристик составляет образ персонажа, призванный вызвать у читателя доверие, т.к. совпадает с существующими в английской языковой картине мира представлениями о внешнем виде людей, не склонных к предательству. Анализ данных словаря ассоциаций позволил установить, что с прилагательным **blonde** в английском языке ассоциируются такие качества как привлекательность и простодушие [16]. Таким образом, можно сделать вывод, что голубоглазая молодая блондинка — положительно аксиологически маркированный стереотипный образ, свойственный картине мира носителей английской лингвокультуры первой половины XX века, репрезентирован в творчестве У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во.

По социальному критерию дифференциации объекта описания (персонажа) количественный анализ текстовых фрагментов, содержащих портретное описание, показал различные данные по всем трем авторам: в произведениях У. С. Моэма словосочетание **blue eyes** чаще встречается в описании аристократии, О. Хаксли — простых людей. В портрете персонажей произведений И. Во преобладания данного словосочетания по отношению к описанию представителей того или иного сословия выявлено не было.

Обращает на себя внимание тот факт, что часто голубые глаза персонажей также имеют большой размер, например: **large blue eyes** [2, с. 811, с. 1154; 7, с. 4; 10, с. 68; 11, с. 41; 9, с. 17, с. 28, с. 149], **wide blue eyes** [17, с. 57], **big blue eyes** [15, с. 81; 5, с. 56], **open blue eyes** [12, с. 54, с. 76; 9, с. 15, с. 132, с. 172; 2, с. 755].

Как было указано выше, английский фразеологизм «**Eyes are the windows of the soul**» (глаза — зеркало души) отражает представление, свойственное английской картине мира, о том, что глаза,

Лексика, использованная в описании голубых глаз			Возрастные характеристики персонажей, в описании которых упоминается голубой цвет глаз
Эмоции и выражение	Размер и форма	Оттенок	
Friendly, kind, frank, mild, merry, laughing, fine, pleasant, clear, lustrous	Large, wide, open, big	Bright, shining	Young, adolescent, youthful

подобно окнам, скрывают или открывают мысли человека [1, с. 97]. В основании данного фразеологизма лежит метафора, построенная на сравнении с окном: большие распахнутые окна обозначают открытость, закрытые окна — желание жильцов скрыться самим или скрыть что-то.

Следовательно, необходимо сделать вывод о том, что изучение особенностей использования прилагательного **blue** в контексте описания глаз персонажа имеет большое значение для интерпретации художественного текста в целом, а также, что особенно важно в рамках данного исследования, определения стереотипов, основанных на взаимосвязи цвета глаз и характера. Анализ фрагментов произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во, содержащих описание глаз персонажей позволил сделать вывод о том, что носителям английской языковой картины мира начала XX века было свойственно приписывать голубой цвет глаз людям, вызывающим доверие. При этом анализ сочетаемости данного прилагательного во фрагментах портретизации глаз показал, что чаще всего прилагательное **blue** образует словосочетания с лексикой, имеющей положительные оценочные коннотации (*kind, frank, etc*). Результаты изучения стереотипов, связанных с голубым цветом глаз в английской языковой картине мира можно представить в виде таблицы. Выделим основные детали литературного портрета глаз персонажа. К ним можно отнести эмоциональный компонент (выражение глаз), размер (разрез), особые приметы или дефекты, оттенок. Также укажем лексические единицы, чаще других использованные для описания социального статуса и возраста обладателей голубых глаз. Прилагательные, эксплицирующие данные характеристики в описании глаз персонажей У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во представлены в табл. 1.

Таким образом, проанализировав особенности описания голубых глаз персонажей произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во, можно сделать ряд выводов о стереотипах, свойственных носителям английской лингвокультуры первой половины XX века, связанных с характером, возрастом и другими характеристиками людей, имеющих данный цвет глаз.

Необходимо отметить, что в английской языковой картине мира первой половины XX века прилагательное **blue** в контексте описания цвета глаз, обладает ярко выраженными положительными аксиологическими коннотациями, объективированными рядом значений, образующих синонимический ряд фразеологического выражения **blue-eyed boy**. Если свести значение к простой, семантически эквивалентной данному фразеологизму, лексеме, то это будут такие прилагательные, как **trustworthy, credible, reliable** и другие, имеющие значение «заслуживающий доверия». Данное значение подкреплено фразеологизмом **eyes are the windows of the soul**, репрезентирующем метафору, в основании которой лежит суждение о том, что глаза

открывают внутренний мир индивида. Отсюда аксиологическое заключение: открытый (*open, big* и т.д.) — хорошо закрытый, скрытный (*closed, small, deep-set* и т.д.) — плохо. В описании синих глаз персонажей произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во насчитывается более 40 случаев, когда синий цвет глаз и их большой размер присущи персонажу, чьему поведению свойственны такие качества, как честность, открытость.

Помимо этого, данным персонажам приписываются другие качества, также описываемые авторами через портретизацию глаз: **pleasant** (сущ. приятные качества), **friendly** (сущ. дружелюбие), **clear** (сущ. ясность, открытость), **fine** (сущ. изящество), **gentle** (сущ. нежность), **shining** (сущ. свечение), **lustrous** (сущ. блеск), **kind** (сущ. доброта), **smiling** (сущ. улыбка), **frank** (сущ. честность), **merry** (сущ. радость), **bright** (сущ. яркость).

Также голубой цвет глаз в произведениях У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во в 47% приписывается молодым людям. В случае, если речь идет о девушках, имеющих данный цвет глаз, то в 32% случаев у них светлые волосы (**blonde**). В свете сделанных выше выводов об аксиологических коннотациях прилагательного **blue** и особенностях его сочетаемости, такие характеристики персонажа, как светлый цвет волос и молодость, в английской лингвокультуре первой половины XX века ассоциируются с доверием.

Библиографический список

1. Random House Dictionary of American Popular Proverbs and Sayings. Second Edition / edited by G. Titelman. — New York: Random House, 2000. — 496 с.
2. W.S. Maugham Of Human Bondage [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/Of_Human_Bondage_NT.pdf (дата обращения: 03.04.2012).
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 1440 с.
4. British English Corpus [Электронный ресурс] — Режим доступа: bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=blue&mysubmit=GO (дата обращения: 11.04.2012).
5. Huxley, A. Limbo. — London: Chatto & Windus, 1920. — 308 с.
6. Maugham, W.S. The Painted Veil. — London: William Heinemann Ltd., 1934 — 151 с.
7. Моэм, У. С. Театр. Роман. На англ. яз. — М.: Издательство «Менеджер», 2004. — 304 с.
8. Maugham, W.S. Up at the Villa [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.miguellmlop.com/stories/stories/upatthevilla.pdf> (дата обращения: 03.04.2012).
9. Waugh, E. Brideshead Revisited. — London: Penguin Books Ltd., 2002. — 336 с.
10. Huxley, A. BraveNewWorld [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.idph.com.br/conteudos/ebooks/BraveNewWorld.pdf> (дата обращения: 03.04.2012).
11. Huxley, A. Crome Yellow [Электронный ресурс] — Ре-

жим доступа: http://pdfbooks.co.za/index.php?option=com_content&task=view&id=4812&Itemid=45 (дата обращения: 03.04.2012)

12. Waugh, E. Decline and Fall. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 200 с.

13. Huxley, A. Mortal Coils. - London : Chatto & Windus, 1968. — 244 с.

14. Maugham, W.S. The Moon and Sixpence. Short Stories. Книга для чтения на английском языке. — М. : Изд-во «Менеджер». — 320 с.

15. Huxley, A. Ape and Essence. — London : Ivan R. Dee, 1992. — 253 с.

16. Edinburgh Associative Thesaurus [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.eat.rl.ac.uk/cgi-bin/eat-server (дата обращения: 03.04.2012).

17. Waugh, E. A Handful of Dust [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.bookmate.com/books/AzvH2prq> (дата обращения: 03.04.2012).

СТАУРСКАЯ Наталья Валерьевна, переводчик отдела международных связей, соискатель по кафедре английской филологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского
Адрес для переписки: e-mail: nat_staur@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2012 г.

© Н. В. Стаурская

УДК 811.111 : 629.33

Н. Н. ТИМОШЕНКО

Омский государственный
технический университет

ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ АВТОМОБИЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена изучению проблеме синонимии автомобильных неологизмов английского языка. Обозначены причины распространения данного явления в исследуемой области. Выделены различные типы синонимов среди автомобильных неологизмов английского языка.

Ключевые слова: автомобильные неологизмы английского языка, типы синонимов, причины распространения синонимии.

Еще совсем недавно считалось, что для терминологии явление синонимии не характерно, а среди требований, предъявляемых как к упорядоченному термину, так и к терминсистеме в целом, выдвигалось отсутствие синонимов. В то же время исследование терминов свидетельствует о том, что во всех областях терминологической лексики встречается большое число синонимов. Некоторые виды синонимии, например, между неологизмами и устаревшими терминами, заимствованными и автохтонными терминами, носят регулярный характер. Поэтому явление синонимии терминов, то есть использования нескольких специальных лексических единиц для именованного одного понятия, является одним из наиболее важных вопросов в терминоведении. Данная проблема рассматривается во многих исследованиях, но, несмотря на это, единой точки зрения на синонимии, даже в вопросах её номинации и классификации пока не существует.

Традиционно синонимами считаются слова, звучащие по-разному, но совпадающие полностью или частично по значению [1]. Тем не менее существует немало определений синонимии в терминологии. Так, Л. Б. Ткачёва **термины-синонимы** определяет как термины, абсолютно тождественные в значении и взаимозаменяемые в любом контексте [2]. По мнению Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобринина, в терминологиях существуют именно **абсолютные синонимы**, то есть слова, полностью совпадающие по значению

и употреблению [3]. Данный факт дает основание именовать это явление **терминологической дублетностью**. С. В. Гринев предлагает другое наименование данного явления в терминологии, а именно — **«равнозначность»**. Этот обобщающий термин имеет значение, которое включает не только отношения абсолютной и условной синонимии терминов, но и эквивалентность разноязычных терминов [4]. Помимо терминологической дублетности и равнозначности в специальной литературе стали выделять и **терминологическую вариантность**. Вариантность есть универсальное свойство языка, связанное с отклонением от изоморфного соответствия содержательных и формальных единиц, не нарушающим тождества языковой единицы самой себе [5]. В свою очередь, В. М. Лейчик определяет варианты термина как разные виды формальной структуры термина при полном совпадении семантики и функций всех вариантов данного термина [6]. В результате делается вывод о том, что термин может варьироваться в плане выражения, то есть иметь формальные варианты.

Лингвисты, занимающиеся проблемами синонимии, традиционно выделяют лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие широкому распространению данного явления. Так, к числу **лингвистических факторов** относятся:

1) стремление языка полнее отразить объективную реальность, выразить средствами языка отдель-

ные признаки понятий, на которых акцентируется внимание;

2) внутренние возможности языка по-разному называть один предмет, одно понятие, «поскольку в самой природе языка заложены основы асимметрического дуализма языковых единиц».

Разные наименования одного понятия возникают и в связи с различными **экстралингвистическими** факторами:

1) одна и та же область науки развивается в разных странах и в результате контактов специалистов происходит обмен информацией, следовательно, и терминами, поэтому в языке начинают функционировать национальные и заимствованные термины, а в некоторых случаях только заимствованные;

2) разные ученые, занимающиеся разработкой одних и те же проблем, фиксируют разные характерные признаки одного и того же понятия;

3) авторы в своих научных работах вводят собственные термины, особенно для вновь появившихся предметов и понятий;

4) в связи с увеличением потока информации многокомпонентные терминологические сочетания заменяются более краткими единицами, в результате в терминологии функционируют полный вариант термина и его сокращенная форма;

5) поиск более рационального обозначения нового понятия приводит к появлению нескольких терминологических единиц.

На современном этапе развития терминологии автомобильного подязыка наблюдается новое явление в синонимии, которое обуславливается экстралингвистическими причинами. В настоящее время в автомобильной индустрии имеет место такое явление, как разделение производства и, следовательно, существование авторских прав на собственное изобретение и его название. Современные электронные системы, созданные для различных марок машин, часто выполняют одинаковые функции по специальным алгоритмам, заложенным производителем. Поскольку разные производители разрабатывают свои алгоритмы, то, как правило, используют собственные термины. Эти термины-неологизмы, находящиеся в синонимических отношениях, как правило, не отвечают необходимому требованию «обычных» синонимов: они **не взаимозаменяемы** в контексте, так как существует защита авторских прав на изобретение и его название.

Специалист, читая документацию и встречая такие термины, понимает, что за разными названиями стоят похожие системы, которые, по сути, являются одним и тем же устройством. Неспециалисту кажется, что он, каждый раз встречая новый термин, имеет дело с совершенно другим устройством. Именно поэтому нам очевидна необходимость упорядочивания подобных терминов.

Исследование выборки автомобильных неологизмов, общим объемом 827 единиц показало, что синонимия характерна и для данных терминологических единиц: 236 автомобильных неологизмов, то есть 28% являются терминологическими синонимами. Представим примеры различных видов синонимов на основе классификации С. В. Гринева.

Итак, среди автомобильных неологизмов выделяются абсолютные и условные синонимы. **Абсолютные** синонимы, то есть термины-синонимы с тождественным значением, оказалось возможным разделить

1) на **варианты**, то есть терминологические единицы, получаемые путем вариации формы. В ре-

зультате анализа исследуемой группы терминов были выделены следующие типы вариантов:

— **графические**, различающиеся только написанием: **Easy entry/exit feature (Ford) = EASY ENTRY/EXIT feature (Mercedes-Benz)** — функция облегчения посадки/высадки из автомобиля;

— **словообразовательные**, различающиеся только словообразовательными аффиксами: **2 stage unlock (Land Rover) = 2 stage unlocking (Land Rover)** — двухстадийная разблокировка дверей, **single wiping cycle (Chrysler) = single wipe cycle (Chrysler)** — один двойной ход стеклоочистителя;

— **морфолого-синтаксические** варианты — варианты, один из которых представляет собой термин-словосочетание или сложный термин, а другой — его краткий вариант, полученный путем синтаксических и морфологических преобразований. Выделяются следующие разновидности морфолого-синтаксических вариантов:

а) **эллиптические** варианты — морфолого-синтаксические варианты, образованные эллипсисом (пропуском одного из компонентов) многокомпонентного термина без изменения его значения: **Forward Alert Function (Land Rover) = Forward Alert (Land Rover)** — функция раннего предупреждения о возможном столкновении, **Proximity view — automatic operation (Land Rover) = Proximity view (Land Rover)** — автоматическое функционирование камер приближения;

б) **композиционные** варианты — морфолого-синтаксические варианты, образованные сложением слов или основ многокомпонентного термина: **Smart Key (Land Rover) = the SmartKey (Mercedes-Benz)** — интеллектуальный ключ зажигания, **cargo tie-down ring (Mercedes-Benz) = cargo tie down ring (Mercedes-Benz)** — кольцо фиксации багажа;

в) **аббревиатурные** варианты — морфолого-синтаксические варианты, образованные сложением частей слов, начальных букв и/или звуков многокомпонентного термина: **DHS = Dynamic Handling System (Jeep)** — система стабилизации уровня кузова при поворотах, **TPMS = Tire Pressure Monitoring system (Ford)** — система контроля давления в шинах, **EPM = Electric Power Management (Chevrolet)** — управление бортовой электросетью;

2) **дублеты** — абсолютные синонимы с различной формой. Среди автомобильных неологизмов можно выделить следующие типы дублетов:

— **разновременные** — дублеты, отличающиеся хронологическим статусом: устоявшийся термин **Idle Speed Control** = неологизм **Transmission Idle Control** — управление холостым ходом коробки пере-

— **ареальные** — дублеты, отличающиеся ареалом распространения: **trunk lid (Am) = tailgate (Br)** — крышка багажника, **MIL < malfunction indicator lamp (Am) = check engine (Br)** — контрольная лампа диагностики двигателя, **interior lights (Am) = interior lighting (Br)** — внутреннее освещение (автомобиля);

— **разноязычные** — исконный и заимствованный термины или дублеты, заимствованные из разных языков: **bypass road = detour road** — объездная дорога. Компонент первого терминологического сочетания *bypass* является исконным английским, а слово *detour* представляет собой заимствование из французского языка.

Условные синонимы, термины с нетождественным, но подобным значением, позволяющим в определенных условиях использовать их как равнозначные, также можно разделить далее на:

— **квазисинонимы** — термины с частично совпадающим значением. В автомобильной терминологии квазисинонимами являются такие неологизмы, которые называют похожие электронные системы автомобиля, одна из которых (будучи усовершенствованной) объединяет в себе больше функций, чем вторая: **Occupant Detection system (KIA) = Passenger Sensing system (Ford)** — *система распознавания переднего пассажира = система антропометрического распознавания переднего пассажира*. Первая система определяет наличие или отсутствие переднего пассажира и в случае его отсутствия отключает подушку безопасности при аварии. Вторая усовершенствованная система, помимо выполнения выше описанной функции, распознает вес пассажира и в зависимости от этой величины регулирует степень раскрытия подушки безопасности при аварии;

— **разнопонятийные синонимы** — условные синонимы, называющие один и тот же денотат, которому соответствуют разные понятия. Разнопонятийные синонимы подразделяются на:

а) **аспектные синонимы**, отражающие различные аспекты рассмотрения одного денотата в зависимости от разных подходов: **puddle lamps = approach lamps** — *лампы подсветки пространства возле автомобиля*, **luggage net = concenience net = loadspace safety net** — *предохранительная сетка для багажа*;

б) **ситуационные синонимы**, отражающие функциональную разницу, обусловленную различными ситуациями, в которых находится денотат: **moon roof = sun roof** — *панорамная крыша*.

Таким образом, стремительное развитие понятийного аппарата исследуемой области техники, разделение производства и существование авторских прав на собственное изобретение и его название способствуют тому, что в настоящий период времени автомобильная терминология находится

в состоянии количественного и качественного изменения. Устаевают и выходят из употребления одни термины, возникают и внедряются неологизмы, обозначающие новые денотаты. Несмотря на то, что синонимия в терминологии является нежелательным явлением, очевиден факт существования различных типов и видов синонимов среди автомобильных неологизмов английского языка.

Библиографический список

1. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М.: Издательский центр «АспектПресс», 2007. — 536 с.
2. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск: Изд. Том. ун-та, 1987. — 200 с.
3. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М.: Высшая школа, 1987. — 104 с.
4. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
5. Сложеникина, Ю. В. Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция / Ю. В. Сложеникина. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 288 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: КомКнига, 2006. — 256 с.

ТИМОШЕНКО Наталья Николаевна, аспирантка и преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: e-mail: tnn250278@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 8.06.2012 г.
© Н. Н. Тимошенко

Книжная полка

ББК 81.432.1/ШЗ7

Шевелева, А. В. Практикум по переводу экономического текста: учеб. пособие для бакалавриата экон. специальностей / А. В. Шевелева; дар. А. В. Шевелева; Всерос. заоч. финансово-экон. ин-т. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. — 78, [1] с. : — ISBN 978-5-8149-1146-9.

Учебное пособие содержит материал по теории и практике перевода текстов, упражнения и тестовые задания для обучения переводу с английского языка на русский. Упражнения и тесты охватывают основные грамматические проблемы по переводу делового английского языка. Упражнения составлены с использованием оригинального материала интернет-ресурсов ведущих зарубежных экономических изданий. Предназначено для бакалаврантов, обучающихся по направлениям 080100 «Экономика», 080200 «Менеджмент», 080500 «Бизнес-информатика».

ББК 83/В24

Введенская, Л. А. Риторика и культура речи: учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. — 11-е изд. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 537, [1] с. — (Высшее образование). — Библиогр. в конце разд. — ISBN 978-5-222-17063-2.

В пособии рассказывается о деловом общении, об ораторском искусстве, об основах полемического мастерства. Особое внимание уделяется речевой культуре, методам подготовки различных видов публичных выступлений, умению вести конструктивный диалог. Предназначено для студентов вузов, а также учащихся школ, лицеев, гимназий. Может быть использовано в работе школ менеджеров, на курсах повышения квалификации деловых людей. Представляет интерес для широкого круга читателей, всех, кто желает самостоятельно научиться говорить правильно и убедительно. Прежнее название книги — «Культура и искусство речи. Современная риторика».